

Глава VI

МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ (1748–1755)

ОПОРА ГОСУДАРСТВА – ПРАВОСЛАВИЕ

Елизавета рассчитывала превратить Россию, по численности величайшую из православных держав, в покровительницу всех в мире, в том числе обитающих за границей приверженцев «истинного, или, как его называли в Европе, «греческого» богословия. Ее частые приезды в Москву говорили о желании отчасти возродить связь с мифической идеей «Третьего Рима»; ее старания подвигнуть русских на творчество, споспешествовать развитию отечественной архитектуры, музыки, литературы были не чем иным, как первым шагом возвращения к истокам. Избегая посягательств на заветы своего отца, ограничившего права духовенства, она тем не менее пыталась восстановить престиж церкви, в значительной мере утраченный в годы правления ее предшественников.

Определение Москвы как «Третьего Рима» было осуждено церковным собором 1666 года, сама формулировка с тех пор находилась под запретом¹. Сия эсхатологическая доктрина зародилась в XVI веке под пером монаха Филофея: дескать, все христианские империи рухнули, лишь русская устоит, два Рима погибли, но третий — Москва — пребудет вечным. С тех пор верующие возносили молитвы за благоденствие сего града, так сказать, «истинного Иерусалима». Идея такого превосходства, а стало быть, вселенской мис-

сии русской церкви стала символом идеальной христианской державы. Елизавета не покусилась нарушить запрет, но ее религиозная политика напоминала — не без того! — некоторые принципы, отвергнутые собором 1666 года. Предполагалось, что Москва должна объединять и защищать христиан Востока. Когда были построены Смольный монастырь и императорские часовни в Царском Селе и в Петергофе, царица распорядилась восстановить монастырь близ Москвы, в Новом Иерусалиме — в высшей степени символичное название. Вскоре новый собор, возведенный Растрелли, заменил первоначальные строения, чьи основания некогда заложил патриарх Никон.

В 1660-е годы Никон благословил церковную реформу, призванную унифицировать обряды, положить конец расхождениям в толковании Священного Писания и противоречиям, вызванным ошибками перевода священных текстов на церковнославянский. Таким решением он вызвал раскол русской православной церкви: против патриарха открыто восстали сторонники стародавних обрядов. Монастырь в Новом Иерусалиме должен был стать очагом распространения обширных реформаторских планов Никона, неотделимых от утверждения особой роли России среди православных народов. Москва должна была стать наследницей одновременно Византии и Иерусалима — разве это не означало, что отныне только ее понимание догм и ритуалов единственно подлинно?

И вот однажды во время посещения северных земель патриарх остановился на отдых в маленькой деревушке в сорока верстах от Москвы. Год спустя он купил там землю под строительство монастыря, объявив, что это место от века предназначено самим Господом для прославления имени его, десница самого Творца создала там на диво благоприятную атмосферу². Реки и холмы были наречены именами таких же, что протекают и высятся в святых местах. Царь Алексей собственной персоной прибыл, дабы понаблюдать за строительными работами и прогуляться «вдоль Иорда-

на», взойти на «Масличный холм» и на «гору Синай». Придя от всего этого в восторг, он нарек монастырь «Новым Иерусалимом». Каменный собор воздвигли по образцу базилики Гроба Господня. Те же размеры, та же структура, а вокруг соорудили три примечательных объекта: Гроб Господень, Голгофу и грот, где императрица Елена обрела Честной Крест Господень.

Однако доброе согласие между царем и патриархом не могло сохраняться долго. Никон не на шутку присвоил себе право вознести достоинство патриарха выше царского: из идеи слияния Москвы с Римом и Иерусалимом такое его превосходство вытекало логически. Однако Алексей встал на дыбы: он находил такие претензии нетерпимыми. Собор, его заботами созванный в 1666—1667 годах, одобрил начатые реформы, но их инициатора осудил. Доктрину Третьего Рима объявили опасной для мирской власти и подвергли запрету. Но была ли она так уж прочно забыта?

После петровских реформ и упразднения патриаршества, в силу чего царь получал абсолютную власть над церковью (хотя это не означало, что он становился ее главой — эта роль приписывалась одному лишь Христу), отвержение «римско-византийского образца» продолжалось. Новый Иерусалим был заброшен. Фундаменты мало-помалу оседали, и в 1723 году пирамидальная кровля собора обрушилась; три года спустя здание было опустошено пожаром. И вот в начале 1750-х годов Елизавета повелела начать реставрационные работы, поручив их Растрелли. Новую внутреннюю отделку произвели в барочном стиле, используя изразцы и искусственный мрамор по иерусалимскому образцу, но есть там и специфическое отличие елизаветинского барокко: превалирует голубой цвет.

Забота о восстановлении этого собора, проявленная императрицей, не случайна: как женщина, она была уязвима в своем отношении к церковной иерархии, это мешало ей воскресить миф о Третьем Риме. Зато она могла придать России принадлежавший некогда Иерусалиму и Византии оре-

ол распространительницы или по крайней мере защитницы истинной веры. Ново-Иерусалимский монастырь, восстановленный и богато отделанный, символизировал эти замыслы. К тому, чтобы частично возродить давнюю традицию, Елизавету побуждали два главных обстоятельства: во-первых, верующие «на греческий лад» томились под гнетом турецкого султана, который теперь ослабел и готов на религиозные уступки, во-вторых, римские папы, помешанные на проблеме униатов (христиан, которые следовали православным канонам, но признавали супрематию Рима), жаждали прибрать к рукам христиан восточного обряда, обитающих на сопредельных с Польшей территориях.

Святой престол никогда не оставлял мысли о соединении восточных церквей с латинской³. А в те годы трудное положение Польши, изнуренной внутренними распрями своей аристократии, побудило Рим дать волю своей всегдашней склонности к борьбе с православными меньшинствами. В начале 1740-х годов папа Бенедикт XIV дошел до угроз: если король Польши будет проявлять излишнюю терпимость к православным, он обратится к сейму, как наиболее религиозному объединению польского народа, с просьбой положить конец деятельности поборников «восточных» верований⁴. Елизавета мгновенно отреагировала на эту угрозу: она не могла допустить, чтобы последний православный епископат в Могилеве был обезглавлен, а ее братья и сестры подвергнуты гонениям. После продолжительных переговоров она в 1755 году наперекор протестам Святого престола поставила во главе епископата Георгия Конисского. Последний продержался на этом посту тринадцать лет. Когда пребывание в Польше ему было запрещено, он продолжал печься о православных этой страны вплоть до ее первого раздела в 1772 году — раздела, причины которого, помимо прочего, коренились в напряженных межрелигиозных отношениях⁵.

Папа побуждал «Конгрегацию по распространению веры», где ведущее положение занимали иезуиты, к тому, чтобы,

всячески способствуя церковному расколу, переманить в свое лоно как можно больше православных⁶. Великие католические державы — Австрия, а вслед за ней и Франция — поддерживали польскую католическую церковь и на свой манер тормозили проникновение в эту страну идей Просвещения. На «греков» и схизматиков оказывалось невероятное давление, только бы побудить их перейти в католичество. До начальственных должностей их не допускали. Многих попов вынудили примкнуть к униатам, их прихожанам волей-неволей пришлось последовать за ними. Культовые здания, пострадавшие от воды и огня (причем этот вред иногда наносился умышленно), лишь изредка могли рассчитывать на восстановление. Приходы, лишённые храмов, распускались. Православные крестные ходы сплошь и рядом подвергались нападениям студентов или офицеров, и тогда священнослужителей избивали, окатывали грязной водой, забрасывали экскрементами. Если жертвы собирались обратиться к властям с жалобой, им угрожали смертью. Попытка взывать о помощи к России приравнивалась к государственному преступлению⁷.

В своем бреве (папском послании) от 25 апреля 1750 года Бенедикт XIV выражал польскому королю Августу III протест против «необоснованных» жалоб православных, чьи храмы были разграблены. Возвратить им объекты их культа значило бы, считал он, совершить несправедливость в отношении униатов! В других письмах, адресованных высшим польским сановникам и духовнику монарха, папа старался убедить их покончить в своей стране с православием и закрепить права униатской церкви. Поддерживая постоянные сношения с «Конгрегацией по распространению веры», папа вместе с тем проявлял крайнюю сдержанность в вопросе о латинизации униатов, ведь, сохраняя свои «греческие» обряды, они могут прельщать этим «московитов», облегчая для последних переход в католичество⁸. Бреве от 18 сентября 1751 года по всей форме запрещает униатской церкви перенимать традиции Рима: ей надлежит, как и прежде, вопло-

щать собой связь между двумя культурами. Рим лелеял мечту завоевать Россию в духовном плане, чтобы принять в свой круг и подчинить. Так и вышло, что к середине 1750-х годов в Польше остался всего один православный епископат — Могилевский. Видя в нем очаг заразы, Бенедикт XIV замыслил план его слияния с униатским епископатом в Полоцке, чтобы таким образом постепенно подготовить его к объединению с католической церковью, что положит конец расколу. Папа хотел помешать «волкам» рыскать вокруг его стада, вырвать эти погибшие души из пасти сатаны и привести в овчарню Господню¹⁰.

Тем не менее жизнь униатов тоже не была легкой, особенно в Польше. Их епископы назначались по желанию короля и знати. Их пастыри, зачастую невежды и пьяницы, по воле местного начальства бывали подчас вынуждены оказывать услуги, несовместимые с их саном. Униатские жены и дети считались чем-то вроде рабов, с которых можно драть семь шкур¹¹. По окрестностям городов бродили иезуиты, выискивая юные таланты, которые они отправляли в свои школы и растили в римско-католических традициях. Следовательно, униаты лишались возможности когда-либо обзавестись собственной элитой, как управленческой, так и духовной.

Католический епископ города Львова отправил чрезвычайно едкое донесение в «Конгрегацию по распространению веры», в котором делался упор на социальные корни униатства, когда основное число прихожан составляли вольные либо крепостные крестьяне и мелкие ремесленники. Из-за больших расстояний, дурных дорог и притеснений, чинимых помещиками, пастырю было затруднительно печься о спасении душ этих бедняков. Прелат, в свою очередь, сетовал на религиозную политику семинарий на окраинах России: они, утверждал он, будто нарочно стараются готовить священнослужителей, способных оторвать тамошних обитателей от «греческого чина» (*rito greco*), то есть от истинного православия. В который уже раз Бенедикту XIV при-

шлось принимать меры против излишнего рвения некоторых ксёндзов, столь вредного для дела церкви.

Все эти богословские институты без исключения состояли в ведении базилиан. Этот религиозный орден, мало-помалу отрешившийся от восточных традиций, управлялся верховным прокуратором, чья резиденция находилась в Риме. Согласно «Constitution Pastoralis curae» Бенедикта XIV от 30 марта 1756 года, эти семинарии подверглись окончательной латинизации. Их глава был напрямую подчинен варшавской апостолической нунциатуре, где заправляли верные последователи Игнатия Лойолы. Все порядки и обычаи базилиан соответствовали тем, которым следовало собственно католическое духовенство. Даже их обряды приближались к ритуалам римско-католической церкви — так, во многих базилианских церквях был упразднен иконостас. Между базилианами и униатскими епископами завязалось беспощадное соперничество, те и другие только и ждали удобного момента, чтобы уничтожить или конфисковать имущество православного конкурента, причем особую свирепость зачастую проявляли прелаты того католического толка, что преобладал на восточных землях¹².

Россия не могла оставаться равнодушной к драматической ситуации, в которой оказались приверженцы православной веры в пределах соседней славянской державы: русский посол в Варшаве непрестанно выражал протесты. Когда же разразился главный конфликт царствования Елизаветы — Семилетняя война, возникла конкретная угроза вооруженного вторжения. Аннексия Восточной Пруссии между 1758 и 1762 годами явственно давала понять, что кольцо сжимается. Папа слал в Польшу письмо за письмом, подстрекая короля и знать к более решительному сопротивлению притязаниям неумемного соседа: какое-либо православное присутствие в этой стране недопустимо, твердил он. Униаты должны были взять под свой контроль последние монастыри и церкви этих «схизматиков», чтобы и духу их больше не было.

Эти религиозные распри, разжигаемые Святым престолом, служили довольно прозрачным прикрытием главных причин конфликта между Россией и Польшей: вопрос стоял о национальной собственности, а границы были слабо защищены. Но Елизавета знала, что русская военная интервенция вызовет бурю негодования со стороны европейских держав. По совету своего духовника Дубянского она заняла выжидательную позицию и разработала план в духе Макиавелли. Для начала было необходимо подавить активность католиков в собственной стране, поэтому она строго-настрого запретила своим подданным переходить в католичество. Затем следовало усилить позиции русского духовенства в сопредельных землях. Возник замысел создать вокруг Российской империи некий бастион православия, откуда можно будет засылать своих эмиссаров на униатские территории, возбудить своими подстрекательствами протестные волнения, что позволило бы России «устремиться на помощь» единоверцам. Ради таких целей императрица попыталась реформировать свою собственную церковь.

Синоду было поручено заняться образованием священнослужителей. Основой обучения в семинариях и церковных академиях служил «Духовный Регламент» Феофана Прокоповича. Но даже некоторые преподаватели не знали его содержания. Попам, обремененным многодетными семействами, было мудрено как самим получать систематическое образование, так и обеспечивать должное обучение своих сыновей, зачастую избирающих то же поприще. Киево-Могилянская академия в Киеве и Славяно-греко-латинская академия в Москве были предназначены для избранных, из их стен выходило весьма ограниченное число священнослужителей¹³. К тому же имел место удручающий факт: украинское духовенство по части познаний превосходило русских, поскольку там священники изучали греческий, латынь и древнееврейский, читали богословские сочинения, а в среде русских попов все это было исключительной ред-

костью и даже почиталось опасным отклонением, способным поколебать истинную веру.

Опасаясь влияния католицизма, Елизавета ограничила допуск малороссов на ключевые посты духовной иерархии: отныне до них могли добраться только «великороссы». Украинцев, для которых ее царствование было в общем благоприятно, лишили права выбирать своих собственных епископов¹⁴.

Согласно указу, восходящему еще ко временам Петра Великого, каждая епархия должна была иметь свою школу; так вот, в 1740-е годы религиозное и духовное воспитание еще только-только выходило из стен монастырей. Императрица понимала, что для развития православной церкви и усиления ее влияния необходимо перво-наперво повысить образовательный уровень духовенства. Поэтому к концу ее царствования в России насчитывалось двадцать семь семинарий и двадцать богословских школ, призванных осуществить эту задачу. Но, как ни парадоксально, особых улучшений это не принесло: Елизавета пеклась об умножении приходов, но никто по-настоящему не проверял, каковы на самом деле познания священников. Равнодушие епископов, небрежение школьных директоров и недоверчивость родителей способствовали тому, что большинство учащихся отлынивало от занятий¹⁵. Монастырские библиотеки оставались бедными, их собрания зачастую перетекали в духовные центры вроде Киева и Чернигова, а то и в Академию наук, фонды которой непрестанно пополнялись.

Решив усилить позиции своей церкви, Елизавета попыталась незаметно свести на нет секуляризацию русской жизни — дело своего отца. Петр лишил монастыри права управлять своими владениями, передав их в ведение учрежденного с этой целью монастырского приказа; затем эта задача была поручена особой Коллегии экономии. Управляя из центра, она регулировала счета и распоряжалась конфискованным добром, распределяя средства между наиболее нуждающимися обителями; когда же доходы монастыря оказы-

вались высокими, избыток отчуждался в пользу богаделен. Елизавета прислушивалась к жалобам настоятелей, которые после петровских реформ чувствовали себя ограбленными. Она побуждала своих сановников и знать приносить монастырям и церквам богатые пожертвования. Таким образом можно было искупить кощунственные речи или предосудительные поступки, а то и сибирской ссылки избежать. Наконец, в 1744 году, Елизавета вывела приходы из ведения коллегии: церковь получила обратно все права распоряжаться своим имуществом — здесь вмешательство мирской власти отныне исключалось. От последствий такого решения пострадали богадельни: монахи отказывались принимать и обихаживать даже самых беспомощных страдальцев. В мирные времена это не составило особой проблемы, но во время Семилетней войны все обернулось иначе.

Впрочем, когда потребовалось, Елизавета сумела вновь пустить в ход приемы своего родителя. Когда разгорелся конфликт, она выпустила указ, поручив Синоду взять под контроль доходы духовенства; настоятели отныне были обязаны принимать под монастырский кров, кормить и лечить раненых и увечных. Начиная с 1760 года в Казанской, Воронежской, Белгородской и Нижегородской губерниях были организованы приюты¹⁶.

Синод занялся также католическим, протестантским, языческим, мусульманским и буддистским населением. Свобода вероисповедания была ему гарантирована, но с условием: не допускать никакого прозелитизма. В елизаветинскую эпоху в Петербурге насчитывалось три лютеранских храма, один шведский, где служба велась на этом языке или по-фински, и одна католическая церковь. В Архангельске, Москве и Астрахани три христианских конфессии также имели собственные приходы, но только католикам и, разумеется, православным предоставлялось право звонить в колокола. У армян были свои церкви в Москве и в Астрахани; в январе 1740 года им было позволено построить еще одну в столице, но Елизавета этот указ отменила, да еще прика-

зала закрыть московский храм. Синод уведомил армянскую общину, что она может проводить свои богослужения не иначе как в частных домах, за семью замками¹⁷. Но в странах Прибалтики и в Финляндии правительство относилось к тамошнему лютеранскому большинству с показным уважением, стремясь завоевать доверие населения, недавно включенного в состав подданных империи.

Иммиграция протестантов поощрялась, особенно если приезжие соглашались селиться в регионах с неблагоприятными природными условиями или не вполне покорным короне населением. Так, некоторые французы перебрались в Россию после отмены Нантского эдикта в 1685 году. Многие из них хотели обосноваться в Бранденбурге, известном своим экуменизмом, но курфюрст, испуганный этим нашествием кальвинистов, посоветовал им обратиться к регентше Софье. Они быстро интегрировались в русское общество и вскоре заняли важные административные посты. В начале 1750-х годов Лафон, потомок одного из этих французов, надоумил Бестужева пригласить гугенотов, живущих в окрестностях Нима и Каркассона, приехать и поработать в русской горной промышленности, ибо они владеют лучшими способами добычи и экстракции серебра. Канцлер предпочел разместить этих иммигрантов по берегам Волги в ее нижнем течении, где бесчинствовали разбойничьи шайки. Получив на сей счет благоприятное донесение, Елизавета распорядилась создать комиссию для определения земель, где смогут обосноваться их фермы. Лафону было поручено набрать желающих: чтобы побудить этих южан к подобному переселению на восток, им гарантировали свободу вероисповедания и на некоторое, правда, ограниченное, время избавление от налогов¹⁸. Однако Семилетняя война положила конец заманчивым прожекам: переправить значительное число мужчин и женщин через всю Европу, терзаемую сражениями, было немыслимо.

Новая волна переселенцев-гугенотов готовилась хлынуть из Пруссии в 1758 году; их поместья и дома были раз-

граблены австрийскими войсками, они хотели податься в Россию на поиски счастья. Инициатором этой затеи стал некто Ларивьер, которому было поручено закупить лошадей для имперской армии. Его доводы не одному переселенцу вскружили голову: свобода вероисповедания, плодородные земли, покровительство ремесленникам со стороны гильдий, наконец, заманчивая, хоть и временная отмена налогообложения. Им сулили поддержку и содействие, как только закончится война¹⁹. Репутация России оставалась незапятнанной, эта страна представлялась неким Эльдорадо, где можно и разбогатеть, и избавиться от каких-либо религиозных притеснений. Реальность была куда менее чарующей, особенно в том, что касалось вопросов веры. Из-за войны этим гугенотам пришлось ждать десять лет, прежде чем двинуться осваивать волжские берега. Тем не менее правительство Елизаветы снова, уже не впервые, пробило брешь, через которую в страну проникли новые силы и веяния, что принесет свои плоды, но позже, в годы правления Екатерины II.

Острая неприязнь Елизаветы к евреям (с которыми она никогда непосредственно не сталкивалась) остается не вполне объяснимой — возможно, так проявилось свойственное ей примитивное понимание Священного Писания. Утверждая, что не желает принимать ничего от врагов Христа, она выпускала законы, запрещающие им въезд и пребывание в пределах России²⁰. Тысячам иудеев пришлось спешно покинуть русскую империю, к большому огорчению некоторых сенаторов, которые опасались, что это приведет к немалому хозяйственному ущербу. Личный врач императрицы Антонио Нуньес Рибера Санчес был одним из таких изгнанников; поскольку она не сочла нужным снабдить его рекомендательным письмом, ему стоило большого труда найти себе достаточно престижное место²¹. Однако присутствие евреев на российской территории допускалось при условии, что они примут христианство. Некоторые подобные семейства — Шафировы, Веселовские, Евреиновы — даже преуспели, их

членам удалось подняться на вершину административной иерархии. Особенно яркий пример являет карьера Симона Тодорского. Этот украинец иудейского происхождения прошел в Галле курс богословия и востоковедения, затем в 1740 году вернулся в Россию. При Елизавете он стал псковским епископом, членом Святейшего Синода и духовным наставником их императорских высочеств Петра и Екатерины. В Германии он подготовил и издал Евангелие на русском языке, которое вкупе с другим изданием, некогда порученным Петром Великим тверскому епископу Лопатинскому, стало основой так называемой «Елизаветинской Библии»²².

Россия времен Елизаветы не избежала западных влияний. Сочинения, посвященные вопросам христианской морали, читались как в монастырях, так и при дворе. По указанию императрицы «*l'Ehrenspegel für die Jugend*» («Юности честное зеркало») — нравоучительное сочинение, когда-то выпущенное в свет по воле Петра, — в течение 1740-х годов было переиздано четыре раза. Сергей Волчков в 1745 году перевел руководство аббата Бельгарда «Совершенное воспитание детей, содержащее правила о благопристойном поведении молодых людей знатного рода и шляхетского достоинства», также появился русский перевод книги «О воспитании, максимы и суждения господина Мукаде», приписываемой некоему Тротти Шетарди, родственнику известного дипломата. Елизавета поощряла переводы произведений этого рода, издавались они не всегда, зато в просвещенных кругах русского общества их в рукописном виде передавали из рук в руки. Жизнеописания Петра Великого приобрели в ту пору поразительно благочестивый и назидательный характер. Императрица распорядилась, чтобы обер-секретарь Синода Степан Писарев перевел одну из первых биографий ее царственного родителя, выпущенную в Италии. Копии сего манускрипта появились в России, не дожидаясь публикации, которая состоялась лишь в 1772 году. Они распространились под названиями, свидетельствующими о намерении Елизаветы окружить своего отца ореолом святости; чаще

всего шли в ход такие варианты, как «Зачатие и рождение Петра Великого» и «О рождении Петра Великого», призванные напомнить о явлении Мессии. От Святейшего Синода императрица потребовала самой драконовской цензуры: ничто не должно было ставить под сомнение «истинную веру». «Четыре книги об истинном христианстве» Иоганна Арндта были переведены с немецкого учившимся в Галле Тодорским (будущим епископом Симоном) и пользовались немалым успехом при Анне Иоанновне; правда, позже, в 1743 году, они были запрещены, но при всем том еще долго ходили по рукам в светских салонах и монастырях. Недозволенное чтение стало более доступным во время оккупации Восточной Пруссии, где молодые люди вроде Андрея Болотова нахватили богословских и философских сочинений, которые печатались в Германии.

У себя в стране Елизавета насаждала что-то вроде «воинствующего православия» — религиозной пропаганды, призванной побудить инаковерующие меньшинства обратиться в лоно «истинной веры». Прозелитизм сулил заманчивые карьерные перспективы. Офицеры протестантского или католического вероисповедания могли взобраться повыше в табели о рангах, стоило лишь окреститься согласно православным догматам и ритуалам²³. Обратный же переход грозил суровыми карами даже для мусульман. Проблемой оставалось насильственное крещение: принудительность в этом случае недвусмысленно запрещалась каноном и осуждалась Синодом²⁴, однако молчаливое одобрение императрицы подстрекало самых неистовых фанатиков оказывать сильнейшее давление на своих наиболее уязвимых подопечных.

Так, на нижегородского епископа Дмитрия Сеченова была возложена миссия христианизации некоренного населения. Ничтоже сумняшеся, он применил силу и затолкал в Волгу тех кандидатов в православные, кто колебался слишком долго! А разве Владимир Святой в 988 году не так же поступил? Вот и Сильвестр Гловацкий, тобольский митрополит, прослыл одним из самых ярых поборников насиль-

ственного обращения. Он целые леса снес с лица земли под предлогом строительства церквей. Его миссионерский раж в конце концов стал тревожить верховное сибирское начальство²⁵. В Сенате копились груды жалоб, их доводили и до сведения Святейшего Синода, но от протестов толку не было. Подобные случаи учащались, ведь они, помимо всего прочего, не требовали затрат и имели то преимущество, что ускоряли дело. Характер нажима менялся в зависимости от особенностей того или иного этноса. Скажем, калмыки, буддисты, почитающие своих лам и живущие близ китайской границы, гонениям подвергались мало или даже совсем их избежали: они поставляли немалый контингент в русскую армию и с явной охотой получали от рубля до пяти в качестве компенсации за прекращение своей религиозной практики. Зато участь башкир и татар, выходцев из Центральной Азии, оказалась весьма незавидной, поскольку они проявили самый что ни на есть бунтарский дух. В 1755 году группа башкир в ответ на требование принять православие объявила России священную войну. Когда же их попытались согнать с их земель, они разъярились так, что стали поджигать дома и мануфактуры. Чтобы подавить это восстание, пришлось ввести войска²⁶. Многих бунтовщиков, бросив в застенки и подвергнув пыткам, затем окрестили насильно.

В Российской империи изрядная часть населения исповедовала ислам. Мусульмане жили особняком от русских, лишь в некоторых селениях в окрестностях Казани можно было увидеть одновременно церковь и мечеть. Елизавета, желая любой ценой обеспечить своим единоверцам безмятежное существование, велела произвести дознание относительно числа и расположения магометанских культовых сооружений в местностях, где преобладает христианское население. Ее главной целью было выяснить, имеются ли в городах и селениях, где находится мечеть, жители, сменившие иную веру на православие. Если ситуация оказывалась именно такой, она приказывала снести мечеть, дабы вновьоявленная паства не подвергалась искушению снова впасть в нече-

стие²⁷. В окрестностях Казани между 1742 и 1756 годами из 536 мечетей были разрушены 418²⁸. Однако наперекор этим притеснениям христиане и мусульмане умудрялись уживаться без особых осложнений. Тем не менее исламские обряды обладали большой привлекательностью в глазах окрестного языческого населения — мордвы, черемисов, чувашей. Та же проблема возникла в Оренбургской губернии. Стало быть, следовало упорядочить отношения с религиозными меньшинствами, иначе будущее представлялось смутным.

Все умы склонялись к единому решению: обратить в православие как можно больше коренных жителей и пришлого народа. Анна Иоанновна учредила особый приказ, ведавший делами обращения, целью коего было привлекать магометан, язычников, анимистов и христиан западных конфессий. Это учреждение функционировало с 1740 по 1764 год. Только за 1743—1747 годы зафиксированы 217 258 крещений иноверцев²⁹. В ход пускались все мыслимые способы убеждения перешителыных. Денежные вознаграждения в зависимости от степени значительности крестника колебались от поля до 600 рублей. Переходившие в православие добровольно могли на время освобождаться от налогов, тогда как строптивым, напротив, их начисляли в двойном размере. Армия предоставляла другого рода льготы: возможность общественного возвышения посредством воинской службы многих новообращенных побуждала завербоваться в русские войска. Крещение могло также повлечь за собой такое юридическое следствие, как прекращение судебного дела. Осужденный мусульманин мог уклониться от назначенной кары, отрекшись от своей прежней религиозной практики. Магометанин-богач, став христианином, получал право владеть крепостными душами: эта привилегия предоставлялась только православным и выходцам из Прибалтийских губерний.

В 1743 году правительство затеяло перепись населения. Цель ее среди прочего состояла в том, чтобы узнать, к каким религиозным практикам привержены подданные импе-

рии. Она определила число староверов, «раскольников» на севере страны. Петр подверг их дополнительному налогообложению за то, что они носили бороду. При Елизавете их участь стала еще тяжелее, суммы подати увеличились³⁰. Чтобы образумить этих раскольников, царица прибегла к помощи армии: их проповедники были арестованы, культовые строения разрушены. Учрежденной в 1746 году комиссии, ведавшей переписью, было разрешено прибегать к пыткам, чтобы выяснить причины приверженности к стародавнему чину богослужения. В 1749 году Святейший Синод распорядился, чтобы их приговаривали к каторжным работам или ссылали в северо-восточные области — к примеру, на Камчатку³¹. Многие староверы умирали в тюрьме при подозрительных обстоятельствах. Власти стремились помешать им принести себя в жертву — таков был их единственный ответ, когда им приходилось сталкиваться с религиозными притеснениями. Особенно много староверов было в Архангельской губернии, их там вылавливали с помощью местных властей, бросали в тюрьмы, депортировали; однако 75 человек из их числа предпочли самосожжение, еще 15 предали себя смерти другими способами. В начале 1750-х годов волна жертвенных самоубийств пошатнула империю. В Тобольске в 1751 году 189 мужчин и женщин, в том числе семья из 33 человек, вследствие притеснений со стороны местного епископа добровольно погибли в огне. Подобные случаи участились, поговаривали даже о коллективном жертвенном самоубийстве 6000 верующих. Синод предпочитал в точности не знать, какие именно причины вызывали столь отчаянные поступки: ни одного расследования на сей счет не проводили³².

Новообращенные христиане, люди самого различного происхождения, не получали никаких наставлений в верс, многие понятия не имели ни о догматах, ни о ритуалах православия. Знали ли они хотя бы, кто такой Христос? Умели ли молиться³³? Некоторые даже не понимали, что их обра-

тили в какую-то другую веру, — вероятно, тут сказывался языковой барьер. Их «просвещением» зачастую занимались тушные фанатики, собственное невежество в вопросах веры возмещавшие рукоприкладством и прочими видами насилия. Елизавета приказала строить для новообращенных школы, дабы сделать из них образцовых верующих, но она не подумала сформировать прежде учителей, а потому эти просветительские учреждения были прозваны душегубками, поскольку многие дети умирали там от дурного обращения³⁴.

В 1742 году обер-прокурором Святейшего Синода стал Яков Шаховской, бывший военный. Он столкнулся с ужасающим мракобесием части духовенства. Чтобы лучше разобраться в текущих проблемах церкви, он пожелал изучить архивы, однако таковых не оказалось. Захотел узнать хотя бы, в каком положении текущие дела, — никто не понимал, о чем он толкует. Высшие церковные иерархи, ответственные лица этого почтенного собрания, улаживали возникающие вопросы изо дня в день, а протоколы подделывали или вообще их не вели, чтобы вернее замести следы хищений. Обер-прокурор потребовал, чтобы его ознакомили с состоянием монастырских доходов, но оказалось, что с начала царствования Елизаветы никто не подводил бюджетного баланса. Он созвал пленарное совещание — оно ни к какому решению не пришло. Высшее духовенство, напуганное служебным рвением Шаховского, проголосовало за то, чтобы отстранить его от должности. Государыне пришлось лично вмешаться, чтобы восстановить порядок. Чересчур обременительного прокурора в конце концов отправили восвояси — в 1753 году его место занял князь Николай Львов. Этот чиновник отличался отменным добродушием: предпочитал, оставаясь невозмутимым, прикарманивать подношения и взятки. Он делал вид, будто понятия не имеет о запутанных махинациях высшего духовенства³⁵.

В период между двумя войнами — от 1748 до 1755 года — правление стало более терпимым. По настоянию Петра Шувалова Сенат в 1755 году внес изменения в законы, позво-

лявшие местным властям преследовать староверов и квакеров без предварительного согласования с правительством. Во время Семилетней войны религиозная политика Елизаветы заметно сменила ориентацию: царица по-прежнему стремилась сплотить своих подданных вокруг церкви и, следовательно, всячески приветствовала их переход в православие, но отныне следила за тем, чтобы неумеренное миссионерское рвение некоторых священнослужителей не приводило к беспорядкам. Радикальный политический поворот в отношениях с Портой побудил императрицу проявлять больше деликатности к мусульманам своей страны. Указом от 1761 года было разрешено заново отстроить многие мечети, но при двух условиях: община должна включать не менее 300 правоверных, а ее культовое здание — находиться за пределами селения. К тому же новообращенные христиане должны быть более строго отделены от своих бывших единоверцев-магометан³⁶.

При всей своей строгости в вопросах веры, Елизавета с возрастом стала проявлять больше терпимости: такие личности, как Иван Шувалов, несомненно, мало-помалу приобщали ее к культуре Просвещения, открытой для восприятия различных верований.

К тому же императрица одержала огромную победу, в ее собственных глазах это было главным свершением ее царствования: православные благодаря вмешательству в дела оттоманской Порты возвратили себе право контроля над иерусалимскими святыми местами. Воодушевленная этим обстоятельством, царица более уверенно смотрела на религиозную ситуацию, сложившуюся в ее стране.

Начиная с 1698 года святые места в Иерусалиме контролировала Франция; однако орден францисканцев, на который была возложена эта задача, подвергался давлению со стороны православного духовенства. Со времени заключения Белградского договора 1739 года, определившего границы между Турцией и Россией, Людовик XV служил, притом результативно, посредником между ними и гарантом

стабильности; стремясь воздать ему за это, султан обещал, что за католическими монахами сохранятся их обязанности, а «французский император» — так его титуловали на Востоке — останется патроном святого града³⁷. Елизавета считала нужным поддерживать статус-кво, ограничиваясь тем, что выделяла своим единоверцам денежные средства. Это продолжалось вплоть до разрыва в 1748 году дипломатических отношений между Петербургом и Версалем. Но когда все контакты с Францией прервались, ничто более не мешало императрице «освободить» Иерусалим от западных еретиков, благо это было одним из заветных желаний ее отца. В течение 1750-х годов в базилике Гроба Господня произошло несколько кровавых стычек. Это было слишком: Елизавета почувствовала, что ее долг — вмешаться и поддержать православных. С этой целью она попыталась сблизиться с неверным — с султаном, традиционным союзником Версаля и Варшавы, чтобы попробовать уладить эту проблему мирно. Людовик тотчас понял, что у русских на уме: они норовят, с одной стороны, свести на нет турецкое влияние в Европе, с другой — оказав давление на диван, восстановить свой контроль над Гробом Господним. А достигнуть этой цели означало бы еще и вызвать ответное оживление православных меньшинств в странах, соседствующих с этой гигантской империей. Русские представители в Константинополе — Неплюев, потом Обрезков, а также состоящий при них весьма искусный драгоман по имени Хризостелос — сумели посредством даров, взяток и сладких речей убедить султана окончательно передать «грекам» контроль над святыми местами, и все это произошло под покровительством женщины³⁹! Это был настоящий скандал — по крайней мере в глазах Версаля.

Столь ловкая религиозная политика незамедлительно возымела последствия в области межнациональных отношений. На юге Украины обстановка накалилась. Франция подстрекала татар спровоцировать в этих краях «*casus belli*» — ситуацию, пригодную стать поводом для войны. Черкесы

также внесли свою лепту, затевая бунты с целью ослабить защиту границы. Война между Турцией и Россией возвратила бы Людовику его главенствующее с точки зрения религии положение на Святой земле⁴⁰. Однако эти чаяния противоречили директивам министерств иностранных дел — как русского, так и французского. На пороге Семилетней войны они стремились к сближению, к установлению оборонительного союза. Под властью Елизаветы и при том обороте, какой приняла международная политика, казачьему краю предстояло пережить стремительный, хотя и кратковременный расцвет.

УКРАИНСКИЕ ДЕЛА

Петр Великий, устав от вечных казачьих бунтов, лишил этот воинственный народ автономии, а власть его вождя — гетмана — упразднил. Данила Апостол, последний из гетманов, признанных Россией, умер в 1734 году. Тогда страна оказалась в ведении временной комиссии, которая насчитывала в своем составе трех русских и трех «малороссов», причем первые были склонны диктовать свои законы вторым. Процесс интеграции Украины и подчинения казачества пошел полным ходом. Однако фаворит Елизаветы Алексей Разумовский был родом из этой страны и тем гордился. Он рассчитывал раз в жизни вмешаться в политику, с тем чтобы повлиять на императрицу в пользу своих земляков. В 1744 году она отправилась в Киев на богомолье, там она приняла депутацию, которая явилась с просьбой о восстановлении гетманской власти, а следовательно, возвращении региону частичной независимости. Другая делегация возобновила ту же просьбу год спустя, прибыв по случаю бракосочетания великого князя Петра. В принципе царица согласилась, теперь надо было найти человека, способного занять место гетмана. Выбор отнюдь не случайно пал на Кирилла Разумовского, младшего брата се морганатического супруга; Кириллу в

ту пору было всего шестнадцать. Пришлось ждать до февраля 1750 года, чтобы те, кем ему предстояло управлять, могли избрать его. Избрали единогласно — причин, надо полагать, было две: благодарность за то, что гетманскую власть восстановили, и немаловажный факт, что отсутствовали другие мало-мальски достойные кандидаты. Украина получала также значительные субсидии, предназначенные для облегчения участи самых нуждающихся. Она имела право на возмещение убытков, причиненных ей во время войны с Портой в 1736—1739 годах. Тогда семь полков, расквартированных в этой провинции, вернулись в Россию, к немалому облегчению местных жителей, видевших в их присутствии силовое посягательство на свою свободу. Русские чиновники также покинули здешние края, управление которыми было поручено коллегии иностранных дел: для Малороссии это было залогом независимости и знаком доброй воли со стороны императрицы. Украина познала новый расцвет. Местные крестьяне и казаки ввозили для своего личного употребления продукты, освобожденные от всяческих пошлин. Когда же они их вывозили в другие регионы империи, пошлину приходилось выплачивать в обычном размере. Многие из них разбогатели на торговле говядиной. Украинцы получили также право гнать спиртные напитки для собственного употребления — после 1755 года эта деятельность стала привилегией дворянства. Казак ни в коем случае не мог быть обращен в рабское состояние, это касалось даже казачек, вышедших замуж за крепостных украинцев⁴¹. Кирилл Разумовский, предпочитая проводить время в столичных развлечениях, поручил дела правления союзу местных офицеров. Тем не менее молодой гетман не упускал из поля зрения дела своей страны и сумел провести в ней некоторые административные реформы; зато проблемы приграничных областей, связанные с нескончаемыми набегами татар, приводили его в растерянность. А жалобы казаков бесследно тонули в бюрократической неразберихе Сената и коллегии иностранных дел. Оба Разумовских проявляли полное единодушие с Ели-

заветой в самом основном — в ее непреклонности там, где дело касалось вопросов религии. Таким образом, на высших ступенях церковной иерархии оказались русские священнослужители, не склонные поддаваться влиянию западных богословов. Требовалось любыми средствами усилить позиции православной церкви в приграничных губерниях империи.

В 1739 году, когда заключали Белградский договор, границы между Россией и Турцией стали предметом исследования для нескольких комиссий. В результате была образована нейтральная территория, не принадлежащая никому, «ничья земля», протянувшаяся от Миуса к низовьям Дона и Азовскому морю. Она находилась под властью России, но юридическая сторона этого вопроса не уточнялась, в административном плане южные степи не приравнивались к русской провинции. Необитаемые пространства, свободные от присутствия каких бы то ни было войск, позволяли в ту пору и казакам, и татарам свободно заниматься там своими делами, но это вызывало между ними непрерывные конфликты⁴². Уже в эпоху Петра Великого славяне, пришедшие с Балкан, потянулись на южную Украину. Многие из них добивались, чтобы их приняли на русскую службу. Петр на вербовал в свое войско немало сербов, после злополучной русско-турецкой войны 1711 года он создал для них особый гусарский полк. Возбуждавшие жажду реванша события этой войны настроили русских против казаков, и царь отнял у них южноукраинские земли, ранее им принадлежавшие⁴³. После Белградского мира появился целый ряд полков подобного рода, набранных из балканских уроженцев. Критерий набора был один: православная вера новобранца, получавшего возможность дослужиться хоть до полковничьего чина и приобрести дворянское достоинство.

Эти степи были не защищены от набегов и мошеннической колонизации. Поляки и украинцы оспаривали друг у друга каждый клочок территории. Несмотря на распоряжения Сената, семья Разумовских хозяйничала в окрестностях Цибулева как вздумается⁴⁴. Повторные нападения татар

и пожары на пограничных с Турцией территориях в 1743 году побудили Сенат запланировать здесь строительство форта. Французскому инженеру Дюбоске было поручено вычертить топографические карты и хорошо изучить демографическую ситуацию. Три года спустя вдоль границы Украины с Турцией расположили несколько полков. Зона, которую они взяли под контроль, тянулась на две с лишним сотни километров между Бугом и Днепром. Ради защиты были построены форты, однако предполагалось также использовать здешние земли в сельскохозяйственных целях⁴⁵. Для этого к воинским частям присовокупили некоторое число крепостных крестьян, сообразуясь с объемом предстоящей им работы. Когда межэтнические противоречия обострялись, Сенат выпускал грозные указы, на которые никто не обращал внимания: урегулированию территориальных конфликтов они не способствовали. Тогда Елизавета решила провести границу, неоспоримую раз и навсегда: тамошние нескончаемые беспорядки задевали ее тем сильнее, что она считала одной из своих основных задач защиту православных, а в той местности они жили бок о бок с мусульманами, язычниками, униатами и католиками.

В начале 1750-х годов татарские набеги на земли казаков участились. На тамошней сцене возникло новое, неожиданное действующее лицо — французский консул Лансе, который, желая ослабить охрану границы, подстрекал хана крымских татар Арслана Гирея к налетам на пограничную зону. Франция не забыла вмешательства России в войну за австрийское наследство на стороне Марии Терезии, дипломатические отношения между Версалем и Санкт-Петербургом все еще были прерваны, даром что шпионы снова ли туда-сюда, стремясь выяснить, каковы шансы их возобновления. В конечном счете Людовик, как покровитель Порты и Польши, хотел сохранить активную позицию в этих уязвимых регионах; он все еще мечтал вытеснить Россию за пределы круга европейских держав⁴⁶ — разве не она, ослабившая султана, была повинна в нарушении равновесия сил

па континенте⁴⁷? Экономические соображения здесь также были замешаны: Черное море и его проливы сулили прибыльную торговлю, но Франция была исключена из игры, поскольку Россия давила на Порту⁴⁸, а исключительные привилегии предоставлялись британским купцам.

Французское консульство в Крыму, в Бахчисарае стало очагом шпионских козней, призванных ослабить Елизавету, помешать какому бы то ни было сближению Петербурга с Константинополем, а там и спровоцировать разрыв дипломатических отношений между ними⁴⁹. Версаль не скупился на траты: после Польши Крым стал их главным объектом, секретные агенты вкладывали значительные суммы, финансируя военные маневры хана, направленные против России. Поначалу Гирей противился, отвергал эти подачки, ссылаясь на то, что узы общей веры связывают его с султаном, ввязаться в войну наперекор его воле было бы попранием священных заветов. К тому же если он на это пойдет, ему придется столкнуться с противодействием крымских мусульман. Пока же, стремясь выиграть время, он осыпал французского представителя дарами, в числе коих было позолоченное ружье⁵⁰.

Начиная с 1750 года болезнь польского короля Августа III и вероятность, что вскоре на его место потребуется преемник, обострили напряженность. Хан Арслан Гирей должен был помешать русским навязать Варшаве своего ставленника. Он в конце концов уступил нажиму французов и направил войска для наблюдения за пограничными зонами русских, в то время как татары продолжали нападать на эти территории⁵¹. Напряженность в отношениях между Петербургом и Константинополем достигла предела. По мнению Бестужева, источником зла являлась Польша, которую следовало удерживать под контролем русских. Но императрица отказывалась от какого бы то ни было вооруженного конфликта. Чтобы избежать провокаций Арслана Гирея, отнюдь не задевая султана, она избрала тактику самозащиты.

Тут возникла оказия, исходящая от империи Габсбургов. В 1750 году Мария Терезия ликвидировала в Венгрии части пограничной охраны, состоявшие в ту пору из сербов, потерявших свои земли и привилегии. Прослышав о том, как радушно Россия принимает южных славян, братья Иван и Дмитрий Хорваты в декабре 1750 года явились к Михаилу Бестужеву, брату первого канцлера, бывшему в ту пору русским послом в Вене, и предложили ему свои услуги. Иван хотел направить 3000 человек в район Батурина (это южная Украина), он даже был готов взять на себя дорожные расходы, прокорм лошадей и содержание обоза с условием, что получит в собственность земли на Украине. Серб требовал для себя также чина гусарского полковника, который дал бы ему право на наследственный дворянский титул.

Михаил Бестужев сделал ему встречное предложение: лучше расселить этих славян вдоль южной границы с Польшей от Новоархангельска до Крюкова, что на Днепре (дистанция около 150 километров), чтобы защитить Россию от крымских татар и Оттоманской империи. Коллегия иностранных дел, придя поначалу в восторг от этого плана, затем сочла уместным поинтересоваться, как на него отреагирует Вена. По-видимому, Австрия не собиралась чинить никаких препятствий подобной колонизации, напротив, она была рада-радешенька избавиться от этих воинственных славян. Обрезков, ведавший русскими делами в Константинополе, получил приказ выяснить, не может ли появление этих колонистов спровоцировать дипломатический или военный конфликт с турками. Он отвечал, что взятки и подарки утихомят брожение в умах. Итак, русская держава пообещала сербам на протяжении года снабжать их деньгами, строительными материалами и провиантом. Хорват, не теряя времени, через три месяца уже прибыл в Киев, с ним были 208 колонистов, включая женщин и детей. Вскороности он отправился в Петербург, чтобы представить свой проект высочайшей инстанции государства. Иван предлагал привести на Украину 16 000 солдат; Россия должна будет взять на себя бóльшую

часть их содержания. Заметив, что сенаторы, внимающие ему, настроены благоприятно, он выдвинул дополнительные условия: крепостные крестьяне должны помочь в строительстве фортов и поселений, а вдовам и сиротам будет назначена пенсия. Рекрутский набор нуждается в поощрении: за сто переселенцев мужеска пола вербовщик получает капитанский чин, за семьдесят пять — чин поручика, за пятьдесят — ундера (младшего), то есть подпоручика. Хорват был не промах, он смошенничал: оговорил, что чин капитана получит его сын за то, что сам завербовал сто человек. А сыночку-то было всего шесть лет! Но это служебное повышение мальчика приносило дворянский титул и земельные владения — редкая удача для не обремененного щепетильностью родителя⁵².

Первый указ, дающий сербам, македонцам, болгарам и валахам право пребывания в России при условии, что они являются православными и составят пограничные конные и пехотные полки, датируется 14 декабря 1751 года. А указом от 11 января 1752 года уже была создана провинция Новая Сербия: там должны были обосноваться 16 000 солдат со своими семьями. Местным жителям, запорожским казакам, указ повелевал радушно встретить колонистов, оказывать им поддержку и не позволять себе в отношении их ни оскорблений, ни обмана⁵³. Сербам, в свою очередь, надлежало придерживаться воинского устава и не заниматься в России никакой торговлей. В мирное время солдату причиталось половинное жалованье, а чтобы восполнить недостаток средств, он должен был обрабатывать свой клочок земли.

Русский бригадный генерал Глебов принял командование этим регионом, границы коего были уточнены: на севере и западе — до пределов Польши, на юге — до Запорожья, а далее до Днепра, отделяющего его от прочих земель русской империи⁵⁴. В административном отношении колония управлялась из Киева, почтовый тракт связывал ее с Польшей. Даже самому Хорвату приходилось добиваться особого разрешения, чтобы получить доступ на польские дороги.

Поведение балканских вояк беспокоило соседей России: семейства Любомирских, Потоцких и Браницких сетовали на их частые набеги с целью умыкания женщин и крепостных. Хорват объяснял эти действия вынужденной самозащитой, но Сенату пришлось в официальном порядке устроить ему нагоняй, чтобы сохранить доброе согласие с Польшей⁵⁵. И все же, несмотря на эти бесчинства, предприимчивому сербу доверили организацию внутренней жизни провинции. По строжайшему приказу Елизаветы Новая Сербия должна была послужить примером освоения и хозяйственного использования степи.

За первый год своего существования колония получила 254 590 рублей. Каждому переселенцу выдали 20 рублей на обзаведение; в течение семи лет он был также избавлен от податей. Деньги служили для приобретения утвари и скота — исключительно в России, таким образом пополнялась государственная казна. Первые успехи выглядели многообещающе: новые поселенцы выращивали зерновые, изготавливали вино, им даже удавалось ткать лен⁵⁶. К немалой досаде казаков, они завязали с татарами обмен: меняли, к примеру, ткани на сушеные фрукты или металлические изделия. Русские также поощряли создание в воинских поселениях магазинов, торгующих всем вперемешку, ведь в случае войны они без малейших проволочек обеспечат снабжение армии продуктами питания и предметами первой необходимости. Сербам позволялось делать покупки в долг; кто в течение года не успевал расплатиться, с того причиталась 10-процентная пеня.

Были организованы там и школы, в них обучали чтению, письму, математике и военной тактике. Имелось специальное учреждение, дающее приют сиротам от семи до пятнадцати лет. После окончания школы все эти юноши зачислялись в пограничные полки⁵⁷. Открылся богословский институт для обучения священников; высшие церковные чины и преподаватели все без исключения были русскими. Чтобы приумножить численность колонистов, Петербург поощрял

переезд в Новую Сербию женщин, не слишком добродетельных. Среди переселенцев было много таких, кто, оставив свои семьи на родине, был не прочь обзавестись новыми; иногда они умыкали полек или татарок, которых силком обращали в православие, чтобы затем жениться на них. Российское правосудие в эпоху правления Елизаветы, такой поборницы женских прав, нимало не препятствовало подобной практике, которую столь трудно назвать христианской.

Елизавета весьма кичилась этими православными поселениями. По такой okazji была выпущена особая медаль: на лицевой стороне изображалась Минерва, вооруженная воинскими атрибутами, перед монументом с надписью: «Учрежденная Новая Сербия» («Nova Serbia constituta»). Царица полагала, что совершила великое деяние: урегулировала пограничные проблемы в ущерб как ближайшим соседям — полякам и туркам, так и собственным национальным меньшинствам — татарам и казакам, причем умудрилась избежать открытых конфликтов с ними. Протесты Порты оставались довольно вялыми, без признаков всеобщего возмущения или попыток нарушить Белградский договор⁵⁸. Подарки и небольшие, но звонкие и полновесные знаки внимания убедили султана Мустафу примириться с сербскими поселениями. Обрезков к тому же дал ему понять, что демаркационная линия между двумя державами помешает казакам свирепствовать на турецкой территории. Русские и турки старались провести четкую границу между конфессиями. Елизавета обещала не допускать никаких миссионерских посягательств по ту сторону своих южных пределов и поручилась за то, что православные жители Турции будут повиноваться султану. Своих целей она уже добилась: изолировала Порту от ее исконных союзников, особенно от Франции.

Вскоре на левом берегу Днепра возникла еще одна колония — Славяносербия; командовал ею русский бригадный генерал Бибииков. В 1757 году он получил позволение строить здесь форты и поселения, а на время строительства приезжие ютились у местных жителей. Жалоб последних рус-

ское правительство и гетман упорно не желали понимать⁵⁹. Славяносербия вскоре стала привлекать обитателей Новой Сербии, бежавших от тирании Глебова. Появлялись там и далматинцы, хорваты, албанцы, но они получали денежную помощь от русского правительства лишь при условии, что примут «истинную веру»⁶⁰. Глебов зорко следил за тем, к какой конфессии принадлежат кандидаты в переселенцы. И неправославным отказывал — впрочем, это была единственная задача, которую он, по всей видимости, тщательно выполнял. Коль скоро в его обязанность входило назначать испытательный срок, он пользовался этим, чтобы избавляться от подозрительных лиц. В теории ему полагалось также вести дипломатическую корреспонденцию от имени своей провинции, но Сенат уклонялся от того, чтобы поручить ему эту официальную роль, опасаясь, что это слишком раздражило бы Порту, Австрию и Польшу⁶¹.

В административном плане Новая Сербия входила в юрисдикцию военной коллегии; начиная с 1753 года обе колонии были отнесены к компетенции Сената. Киевский генерал-губернатор отвечал за поддержание добрососедских отношений мусульманского и христианского населения. Колонисты должны были регистрироваться у него, он определял их воинскую принадлежность и место жительства. В том же году Сенат решил основать для них свой административный и хозяйственный центр: будущий Елизаветград начал строиться в Новой Сербии, в четырех километрах восточнее Славяносербии. Возводить его должны были исключительно русские; гетману Разумовскому было велено подготовить 2000 казаков для их защиты. Опасаясь порчи отношений с поляками и турками, да и раздраженный недостаточно уважительным обращением со своими людьми, гетман послал туда всего 500 человек. Втайне он рассчитывал притормозить ход строительства. И не ошибся: султан призвал русского представителя Обрезкова, чтобы выразить ему свое недовольство. Сколько бы дипломат ни уверял, что укрепленный город предназначен служить заслоном от татар, Се-

нат был вынужден отправить в Константинополь официальный ответ. Там говорилось, что Елизаветград возводится исходя из хозяйственных, а не военных соображений. Сенат дал согласие, чтобы регион посетили два турецких наблюдателя. Глебову было приказано на время этой инспекции прекратить строительные работы. Осыпанные дарами, два оттоманских представителя покинули южную Украину с чувством глубокого удовлетворения. Однако французы продолжали раздувать пламя раздоров, и в 1755 году строительство вновь было приостановлено. На сей раз причиной стало вмешательство самой Елизаветы: во имя благосостояния православных обитателей Турции она хотела сохранять доброе согласие с Портой. Елизаветград так никогда и не был использован в военных целях: городские ворота не закрывались, подъемного моста не было, рвы не достигали достаточной глубины. Тем не менее в случае надобности можно было мобилизовать 4000 воинов, и это не считая сербов. Елизаветград стал важным торговым центром, его предместья давали приют русским, украинцам, грекам и даже староверам. Последние пользовались свободой вероисповедания, но в армии не служили, что неблагоприятно сказывалось на их материальном положении.

Глебов непрестанно обличал сеющую раздоры политику Франции в Крыму, но императрица делала вид, будто ничего не понимает. Она вступила в союз с Марией Терезией и Людовиком XV, чтобы бить пруссаков, — это был в некотором роде брак по расчету, и он стоил того, чтобы проявить побольше деликатности в отношении турецкого дивана. Она в этом смысле была заодно с султаном, он тоже стоял на том, чтобы жить в добром согласии с соседкой⁶². Даже Швеция и Польша, старые союзники Порты, не возражали против колонизации степи, хоть это и шло вразрез с условиями Белградского договора. Все внимание Европы сосредоточилось на неугомонном Фридрихе II, вот России и позволили возвести новый бастион на своих южных рубежах. Только французы догадывались об истинных намерениях Елизаветы:

положить конец турецкому влиянию в Европе, язычников и неверных обратить в православие и утвердиться в роли покровительницы восточных христиан. По мнению Жана Луи Фавье, секретаря французского посольства в Петербурге, Россия в мирное время захватила больше земель, чем в пору своих самых блистательных побед⁶³.

Петербург вскоре утратил интерес к сербским колониям: они потревожили Европу и Порту, усилили впечатление, что Россия — защитница христиан Востока, таким образом, главная задача была решена. Обещанной численности, то есть 16 000 человек, войско так никогда и не достигло; чтобы одурачить русское правительство, Хорват и его приспешники то вносили в списки переселенцев по два раза одни и те же имена, то регистрировали мертвых будто живых, то под видом сербов вербовали татар, украинцев, казаков. Были там и солдаты из нерегулярных частей, которым полагалось бы участвовать в войне за австрийское наследство. В 1755 году население обеих колоний в общей сложности не доходило до 4500 человек. Гетман Разумовский метал громы и молнии: «балканцы» дурно влияли на казаков, превращали местных крестьян в своих крепостных, хотя им было запрещено нанимать их и захватывать силой⁶⁴.

Нет сомнения, что именно эта напасть заставила его в 1756 году предоставить Сенату улаживание украинских дел, из-за чего автономия Украины была ограничена, контроль со стороны России опять усилился. Между тем сербы не блистали воинскими доблестями, становилось очевидно, что без помощи казаков они не способны обеспечить охрану границ. Из 1000 человек, посланных на фронт во время Семилетней войны, большинство дезертировали. Хуже того: они не ограничивались воздслыванием земель, предоставленных правительством. Многие «малороссы», разоренные переселенцами, были вынуждены уступить им свои поместья и крестьян и эмигрировать в Польшу⁶⁵.

Сенат восстал против кумовства, коррупции и незаконной торговли южных славян; переселенцы гнали самогон,

множили поголовье лошадей и коров, подрывая экономическое положение казаков. Более того: они без зазрения совести пьянствовали, грабили, насильовали. Согласно донесениям, которые слал в Петербург Разумовский, среди самых отпетых жуликов частенько встречались попы-расстриги и беглые монахи⁶⁶. Сознвая, что положение становится все ненадежнее, многие славяне — выходцы из Габсбургской империи со своей стороны искали возможности вернуться на родину. Другие вливались в гуцу местного населения или распространялись по всей огромной империи Российской. К концу века Елизаветград, символ политики религиозного размежевания, разорился. Украина, пережив короткий ренессанс в царствование Елизаветы Петровны, снова лишится всех прав вплоть до самых элементарных, а у казаков не станет своего гетмана. В числе основных причин такого упадка следует назвать чиновничий бюрократизм и коррупцию.

ПАРАЛИЗУЮЩИЙ БЮРОКРАТИЗМ

Елизавета хотела восстановить бюрократическую систему в том виде, в каком она находилась при ее отце, но при этом не пренебрегать и мерами, которые принимали ее предшественники. Начиная с декабря 1742 года Сенат вновь взял под свой контроль местные власти и правосудие; его членам было также поручено произвести ревизию указов, изданных предыдущими правителями. Согласно указу от 6 августа 1746 года, на это учреждение возлагалась миссия пересмотреть все смертные приговоры. Возложив на него такую чрезвычайную миссию, императрица еще более увеличила свое влияние в области права, хотя приговоры и без того скреплялись монаршей подписью. Но прерогативы сенаторов были куда более разнообразны. В том же году их обязали проследить за качеством бархата, производимого в России; среди прочего они, например, запретили изготов-

лять ткань с малиновыми разводами на светлом фоне. Подобный разброс функций приводил к тому, что из-за капризов государыни многие сенаторы, пренебрегая важнейшими проблемами, погрузились в решение малозначительных вопросов.

Сенат занимался также здоровьем населения. Когда случались эпидемии, он принимал решения о закрытии границ и установлении карантина. Все случаи подозрительных смертей и даже несварение желудка, если таковое постигало несколько персон одновременно, становились причиной незамедлительных начальственных предписаний. Одним из бедствий стал сап 1743 года, косивший лошадей и коров; эта эпизоотия стала поводом весьма оживленных дискуссий в Сенате⁶⁷. Ведь возникала проблема не только продовольственная, пострадали, что еще важнее, почтовые службы. В некоторых губерниях падеж был такой, что пришлось заменить лошадей оленями — только так смогли обеспечить доставку корреспонденции и посылок в отдаленные окраины. В зараженных местностях объявили строгий карантин, гужевой транспорт запретили, таможенный контроль был ужесточен. Газеты печатали списки очагов эпидемии. Скелеты и шкуры животных либо сжигали, либо закапывали так глубоко, чтобы волки и прочие переносчики инфекции не могли их обнаружить⁶⁸. Суровость этих мер — особенно конфискация денег и товаров на границах — вызывала подозрение, что русское правительство умышленно наносит ущерб иноземным торговцам, сводя на нет ввоз мясных продуктов.

Елизавета поручила Сенату управление шестнадцатью губерниями: Архангельской, Белгородской, Киевской, Московской, Новгородской, Петербургской (по-старому Ингерманландской), Рижской, Астраханской, Воронежской, Смоленской, Казанской, Нижегородской, Ревельской и Сибирской, к которой надо еще прибавить Оренбургскую, созданную в 1744 году, и Выборгскую, аннексированную в 1743 году согласно договору в Або. Названия всех этих губерний являлись производными от их главных городов; исключе-

ние составляла Сибирская, которая пользовалась особым статусом: ее губернатор жил в Тобольске, а вице-губернатор — в Иркутске. Доходы этих высокопоставленных чиновников зависели от значительности их вотчин: так, правитель Оренбурга получал 4188 рублей в год, тогда как некоторые из его собратьев, ведая регионами поскромнее, имели всего 809 годовых.

Близость русской столицы к издавна враждебным Польше и Швеции настоятельно требовала самой бдительной охраны границ; завоевание новых земель, расселение народа и рост его численности требовали усиленного контроля. Речь шла об определении принадлежности пограничных рек, о разграничении территорий, об упорядочении в вопросах, связанных с размежеванием дворянских угодий. Конфликты возникали часто, в частности на Украине, где местные крестьяне и казаки оспаривали друг у друга право на рыбную ловлю; подчас в эти склоки ввязывались донские и запорожские казаки⁶⁹. Местным властям и губернаторам вменялось в обязанность следить за тем, что происходит на сопредельных территориях и в соседних государствах. Так, шпионы из Смоленска и Киева проникали в Польшу, из Киева — еще и в Турцию, Выборг засылал своих соглядатаев в Швецию, губернатор Сибири проявлял аналогичный интерес к Китаю. А историк Татищев, занимавший этот пост в Астрахани, держал под наблюдением персов и сообщал полученные сведения в ответ на тревожные запросы из Санкт-Петербурга⁷⁰.

Всю информацию, накопленную таким манером, губернаторы передавали в Сенат. В провинциях их представляли воеводы, таковых имелось сорок четыре, в табели о рангах они занимали восьмое место, следовательно, их дворянство было наследственным. Они владели крепостными и получали ежегодно 300 рублей жалованья. Специальные офицеры, прокуроры, проверяли добросовестность этого столь своеобразного управленческого персонала. Воеводы брали на себя и некоторые юридические функции. Помещики или

старосты могли принимать решения там, где речь шла о незначительных проступках, когда же преступление было серьезным, виновного сперва отдавали в распоряжение главы округа; если дело не представляло особой сложности, воевода проводил расследование и определял наказание. В случае мятежа он также был вправе пустить в ход военные части.

Начислением подушной подати воеводы распоряжались единолично. Они руководили сбором налогов и набором солдат — в исполнении этой функции им полагалось отчитываться перед Сенатом. Петр некогда назначил ежегодный налог 70 копеек с каждого лица мужеска пола. При Анне Иоанновне в связи с потребностями войны эта сумма значительно возросла, это вызывало народный гнев. Воеводы и их налоговые сборщики больше не решались разъезжать без вооруженной охраны. После пересчета в 1743 году сумма была стабилизирована (рубль в год) и оставалась неизменной, пока Елизавета была на престоле. В случае неуплаты ответственными за нее считались владельцы крепостных. Сбором податей занимались начальники округов, они объезжали селения одно за другим, сопровождаемые писарем, а то и полицией либо солдатами, первейшим долгом которых была охрана денег. Они вели точный учет, записывали, оказалась деревня платежеспособной или нет. Суммы, таким манером собранные, передавались воеводе, который удерживал небольшую часть на местные нужды, остальное — без исключений — шло на нужды армии.

В годы царствования Елизаветы предпринимались большие усилия, чтобы сделать жизнь окружных начальников более достойной. Все воеводы жили в однотипных пятикомнатных домах, по размеру лишь немного уступавших жилищам губернаторов; последние располагали восемью комнатами, сверх того баней, хозяйственными постройками и каменным помещением для хранения деловых документов. Все эти здания строились и поддерживались в должном виде на средства, изымаемые из суммы подушных податей. Могло ли это добавить привлекательности трудам управления? В

1740—1750-е годы три четверти воевод достигали возраста пятидесяти — семидесяти лет, среди них 61,2 процента имели более пятидесяти душ крепостных. У тогдашней администрации было два главных недостатка: во-первых, слишком малое число лиц, способных справиться с бюрократической работой, проще говоря, умеющих читать и писать; во-вторых, если таковые и имелись, они были уже староваты. Их полномочия ничем не ограничивались, если, конечно, они сами не навлекали на себя гнев губернатора. Некоторые без стеснения принимали маленькие подарки и не брезговали взятками⁷¹. Сенат, пытаясь побороть коррупцию, обязывал их регулярно менять место службы. Но это решение, хоть и принятое с благими намерениями, породило новую несправедливость: честные воеводы, управлявшие своими подчиненными хорошо, собственным благосостоянием заняться не успевали, между тем как самые бессовестные использовали краткий срок пребывания в провинции, чтобы накопить кругленький капиталец, а своими обязанностями пренебрегали.

В 1750 году Сенат определил воеводам пятилетний срок полномочий, который затем возобновлялся, если на них не было жалоб⁷². Елизавета пеклась о том, чтобы повышения получали только честные служаки. Яков Чаковский, став в 1760 году генеральным прокурором, получил приказ подвергнуть чистке всю систему администрации; заместителем ему был назначен Иван Неплюев, известный своей неподкупностью. Их работа принесет свои плоды, но уже при следующем царствовании. При всем том многие чиновники, преследуемые правосудием за растрату, преспокойно остались на своих местах. Елизаветинское правление было поражено эндемическим недугом: недостатком квалифицированного персонала, способного поддерживать порядок в гигантской империи.

Некогда Петр, взяв за образец иностранные модели, радикально изменил управление страной. Он заменил стародавние департаменты, так называемые приказы, которые

учреждались и упразднялись в зависимости от обстоятельств, стабильными учреждениями — коллегиями, эквивалентными нашим министерствам. Все было подчинено системе коллективной ответственности, призванной предотвратить коррупцию. В 1720—1730-е годы коллегии стали подчиняться то Верховному Тайному совету, то кабинету министров. После того как Сенат был восстановлен, он снова взял под контроль все эти учреждения, причем с самого начала принялся раздавать приказы, выходявшие за рамки его компетенции⁷³. Зато иностранные дела были выведены из-под сенатского надзора — явный признак особого интереса, который питала к ним Елизавета. В силу своей возрастающей важности они были переданы в ведение государственного канцлера. Что до Бестужева, он никогда коллегиям не посещал, тем самым демонстрируя свое презрение к этому ведомству. После создания в 1756 году Конференции при Высочайшем дворе дипломатия избавилась от его опеки⁷⁴.

Служащие этих коллегий особым рвением не отличались — на работу являлись с опозданием, а то и вовсе не приходили. В 1744 году коммерц-коллегия уже не функционировала. Посланец от Сената, явившись в юстиц-коллегию, не нашел там ни одного ответственного чиновника. Вскоре Сенат был перегружен текущими делами, нахлынувшими из этих учреждений. Тогда были приняты драконовские меры: чиновник, явившись на службу с опозданием более часа, лишался дневного заработка, а пропустив рабочий день без уважительной причины, терял месячное жалованье⁷⁵. Политика в области оплаты труда в центральной и местной администрации становилась все более противоречивой и запутанной. Иностранцам платили щедрее, чем русским, так как они считались более честными. К тому же это было средством удержать их на службе империи; однако же владеть крепостными душами им не разрешалось и не полагалось получать доход с земельной собственности.

Елизавета распорядилась произвести опрос среди чиновников низшей ступени бюрократической иерархии, желая выяснить, каков социальный состав ее администрации. Оказалось, что 21,5% ее членов происходят из дворянских семей, все прочие — разночинцы⁷⁶. Причем именно эта разношерстная группа отличалась хорошим интеллектуальным уровнем: ее члены учились в семинариях, училищах, специальных школах, а то и в Московском университете, основанном в 1755 году. Они также превосходно проявляли себя в свободных профессиях — таких как медицина, право, преподавание, науки, искусства... В основном это были сыновья военных и дети членов канцелярии. Быстрое разрастание этого класса в годы царствования Елизаветы объясняется позицией, которую заняло мелкопоместное дворянство. Волей-неволей принужденные отбывать воинскую службу, молодые дворяне и сами предпочитали армейскую карьеру, более быструю и прибыльную, административной же пренебрегали. Коллегии (не говоря уже о Сенате) постоянно пребывали в поиске грамотных чиновников, способных разбираться в таких важнейших вопросах, как использование свеклы в медицинских целях или контрабанда, предметом которой служили драгоценные клубни⁷⁷.

Образ жизни, принятый в Санкт-Петербурге, вынуждал помещиков выжимать из своих земель максимум возможного дохода. Погрузившись в административные или военные дела, они не могли заниматься хозяйством лично и поручали это управляющим⁷⁸ — грамотным крепостным или свободным разночинцам, которые усердно стремились приумножать собственные барыши, а то и мало-помалу отщипывать куски от земельных владений своих господ.

В такой ситуации оказался Воронцов, второй человек в государстве, прославившийся несоответствием своих доходов и расходов. У него было 5805 крепостных, каждый из которых приносил ему рубль. Его жалованье вице-канцлера достигало 6000 рублей; став в 1758 году канцлером, он

сверх того получил еще тысячу. Его бухгалтерия за 1753—1754 годы известна: от своих угодий он получил 3224 рубля, к которым прибавились доходы от урожая, в 1754 году это составило 1831 рубль. Подарки государыни и Разумовского, зачастую в полновесной звонкой монете, также украшали его повседневность. Так вот, расходы Воронцова за 1753 год достигли 30 668 рублей. Тогда вице-канцлеру пришлось продать земли, чтобы раздобыть 1000 рублей серебром⁷⁹.

Вопреки расхожему мнению Россия не делилась на чрезмерно богатых дворян с одной стороны и несчастных крепостных, до смерти изнуренных эксплуатацией, — с другой. В обществе существовал свободный средний класс: упомянутые выше разночинцы, горожане или крестьяне-однородцы, на которых возлагалась обязанность охранять границы, а также помещики, чьи доходы были ниже, чем у иных получивших вольную крестьян. Положение крепостных, принадлежавших короне (наиболее зажиточных), церкви (14,1%), помещикам (54%), было различным и зависело от ряда обстоятельств. Многие собственники сознавали ценность этого человеческого капитала и старались о нем заботиться — правда, с целью вытянуть из него побольше прибыли. Некоторые купцы набирали крепостных для работы на своих рудниках и мануфактурах; тогда число душ в точности соответствовало потребности в рабочей силе. К концу царствования Елизаветы из крестьян в промышленности было занято 87 253 человека. Этим крепостным рабочим не требовалось обрабатывать землю, разве что для своей личной надобности. Бывали и такие, что летом трудились на полях, а зимой в рудниках или мануфактурах. Однородцам позволялось иметь крайне ограниченное число крепостных; некоторые разночинцы, секретари или писцы, подчас умудрялись обзавестись собственным клочком земли, который обрабатывали крестьяне. Эти люди ждали, когда они сами или их сыновья достигнут восьмой ступени таблицы о рангах и смогут тем самым узаконить ситуацию. Начальники округов часто сталкивались с необходимостью воспротивиться

таким злоупотреблениям, то есть конфисковать земельные владения и души, чтобы перепродать их в пользу царской казны⁸⁰.

Крепостные, работая в торговле и зарождающейся индустрии, попадали в весьма двойственное положение. Своим трудом они повышали доходы помещиков, но составляли прямую конкуренцию купцам и собственникам ремесленных мануфактур⁸¹. В 1745 году им была запрещена всякая торговая деятельность в городах; позже их также лишили доступа к портовой коммерции. Зато вдоль дорог они могли торговать всем, что нужно для проезжающих. В 1758 году крестьянам было позволено торговать своими ремесленными поделками в пределах пяти верст от своего жилья⁸². Однако некоторым селам удалось добиться, чтобы для них сделали исключение. Так, 589 государственных крепостных, что жили в поселке Осташков близ Петербурга, благодаря своим торговым успехам были освобождены от рабства и сенатским актом 1752 года возведены в ранг купцов⁸³.

Повсеместная коррупция в административных учреждениях то и дело утяжеляла жизнь крепостных. Елизавета выпустила в их пользу несколько указов, начиная с того, что касался смертной казни, но они оказались недостаточными. Никому не давалось права посягать на жизнь крестьянина, крещеного и православного, он пользовался защитой государыни. В случае, если он умирал при подозрительных обстоятельствах, его близкие имели право настаивать на расследовании. Мучитель рисковал потерять свои дворянские титулы, хотя на практике обычно отделялся какой-нибудь епитимьей и даяниями в пользу церкви⁸⁴. Так, одна землевладелица, некая Салтыкова (Салтычиха), до смерти замутившая 38 крепостных, после целой череды жалоб, обращенных к губернатору, все же окончила свои дни в монастыре.

Крепостного продавали вместе с землей. Правительство таких сделок не одобряло, однако ничего не делало, чтобы реформировать систему. Да и на продажу душ без надела прямого запрета не было. Женщины покупали чаще, чем муж-

чин, — две трети покупок приходились на них: речь шла о поисках жен для своих холостых крестьян. Однако и менее добродетельные цели надобно принимать в расчет. В 1760 году мужчина стоил от 5 до 10 рублей, женщина — 2—3 рубля⁸⁵. Все продажи полагалось регистрировать у местного чиновника в московской крепостной конторе. Там проверялась правомочность прежнего и нового владельца и составлялись акты продаж.

Хотя крепостные в подавляющем большинстве были неграмотны, они до некоторой степени осмыслили свой статус. В 1744 году имущество одного помещика Псковской губернии конфисковали за долги; его крепостным душам приказали продолжать доставку пищевых продуктов для погашения долгов расточителя. Но несколько сотен крестьян, считая себя отныне государственной собственностью, собрались и решили отказаться работать в счет возмещения долгов своего бывшего хозяина. Сенат выслал 18 солдат, но их встретили 2000 разгоряченных мужиков. И обратили в бегство. В конце концов деревню атаковали усиленные военные части, они разрушили многие дома и убили 55 человек. Или другой случай: богатый промышленник Никита Демидов покупал земли для строительства мануфактур; в 1751 году он столкнулся с бунтом крепостных, отказавшихся принадлежать частному лицу, наверняка их не устраивала и перспектива работы на заводах. Пять сотен солдат, высланных на место действия, не смогли их урезонить. Чтобы успокоить горячие головы, Демидов вызвал вооруженное подкрепление, все это привело к гибели 59 мужиков. До сведения императрицы подобные инциденты никогда не доводились: ее приближенные любой ценой избегали упоминать при ней о кровопролитиях, даже если таковые были единственным средством восстановить порядок⁸⁶.

Купцы и дворяне имели возможность выезжать за границу; их паспорт служил удостоверением личности, а в случае надобности содержал данные также о занятиях путешественника и цели его прибытия. Торговый люд на Руси хоть

и считался вольным, но по статусу весьма отличался от своих собратьев — западных коммерсантов. Положение купцов оставалось шатким, они были данниками местных властей, от чьих решений слишком во многом зависели. Начиная с 1743 года Елизавета распорядилась, чтобы законы, введенные некогда в действие ее отцом, были восстановлены. Петр содействовал образованию корпораций, предоставлял возможность работать без помех, которые им чинили не в меру алчные правители. Ремесленники сплачивались в гильдии, законодательные основы функционирования которых тем не менее по-прежнему оставались непрочными. В годы царствования Елизаветы ремесленники во множестве нищали, опускались до категории «подлых людишек», едва способных выплачивать ежегодный рубль подушной подати. В наиболее значительных городах судьи, избираемые самими богатыми купцами, да плюс к тому два бурмистра и четверо служителей, ведающих надзором за торговыми операциями, взимали налоги и обеспечивали рекрутские наборы крепостных крестьян. Сенат возлагал на них ответственность за хорошее выполнение этих задач. Деловой мир, по существу, не имел юридически осмысленной структуры вплоть до 1754 года, когда возник закон, недвусмысленно требующий, чтобы торговцы в каждой общине имели двух выборных представителей⁸⁷. Купцы, равно как и ремесленники, имели право наследования; за крепостных, состоявших у них на службе, они податей не платили, но с них причитался 1% получаемого дохода⁸⁸.

Петр упразднил различие между наследственным добром и имуществом, владение которым ограничивалось временными пределами. Эти два вида собственности были признаны неотъемлемыми, кроме случаев, когда владелец был уличен в преступлении против государства. Но коррупция уже в который раз расшатала систему: многие дворяне, пользуясь своими связями при дворе, богатели за счет соседей, посягали на их земли. Медлительность, с которой работала бюрократическая машина, зачастую усугубляла напряженность этих

распрей между собственниками. Между помещиками завязывались схватки, каждый вооружал своих крестьян, вспыхивали настоящие сражения из-за территории. В 1752 году под Москвой в одном таком побоище насчитали 26 убитых, не говоря о множестве раненых. Побежденная сторона решила восстановить свои права и обратилась с жалобой к царице. Елизавета личным указом запретила впредь эти локальные войны и посулила их подстрекателям тяжкие кары. Текст этого указа был опубликован как манифест для всеобщего сведения и читался в церквях⁸⁹.

Петр Шувалов поручил Сенату принять необходимые меры, чтобы снизить общественное напряжение, особенно в Московской губернии. Он взял за образец описи, восходящие к периоду 1684—1735 годов. Приказал провести систематические исследования с целью выяснения изначальной принадлежности поместий; документы, подтверждающие права владельцев, пересматривались, мелкие участки измерялись с целью столь необходимого перераспределения земель⁹⁰. Новый закон о собственности Сенат опубликовал в апреле 1754 года. В его тексте, состоявшем из 57 страниц, казалось, были прояснены все спорные моменты⁹¹. К тому же улучшенное распределение пахотных земель было призвано предотвратить голод — бедствие, сказать по правде, нехарактерное для царствования Елизаветы.

В 1755 году по настоянию того же Шувалова была создана канцелярия по контролю за распределением земельных угодий, управление коей поручили генералу Фермору, который уже надзирал за распределением земель в Петербургской губернии⁹². Перед Академией наук встала задача создать карты и планы всех губерний, кроме Оренбургской и Сибирской. Новым указом, опубликованным 9 января 1756 года, назначались 93 лица, ответственные за максимально четкое выполнение этой миссии, начиная военными высокого ранга, которым в помощь надлежало выделить 83 учащиеся кадетского корпуса, заканчивая молодыми дворянами, сведущими в математике и подготовленными к во-

енной карьере. С точки зрения масштабов задачи их число оказалось недостаточным⁹³.

Они должны были принести священную клятву, что будут честны, никогда не соблазнятся взятками и не уступят воздействию таких иррациональных факторов, как личная симпатия к какому-либо землевладельцу или признанная местным населением влияние того или иного помещика. Главным их делом было определить и засвидетельствовать в письменном виде размеры и местоположение каждого поместья; агентам поручалось разыскать акты продажи, затем уточнить местонахождение земельных угодий и число крепостных, там обитающих. Приказ, подписанный императрицей, обязывал их прибегать к установлению межевых границ, четко отделяющих одно владение от другого⁹⁴.

Рекомендовалось также прибегать к опросу старцев — монастырских старейшин, слывших святыми. Их памяти и неподкупности доверяли. Да у них, в противоположность бюрократам и помещикам, и не было причин лгать. Некоторые из них в точности помнили последний обмер наделов в 1684 году и знали, кто из дворян несправедливо присвоил себе чужие земли. И подобное жульничество, и даже простое сокрытие сведений могло повлечь за собой тяжкие кары. Когда владение оказывалось бесхозным, оно переходило в собственность государства вместе с крестьянами и их личными клочками земли.

Все эти законодательные новшества были не слишком благоприятны для самых богатых дворян. Их власть при Анне Иоанновне очень возросла, кое-кто из них даже осмеливался прибирать к рукам кое-что из собственности царского семейства. А коль скоро «сделки» такого рода происходили по тайному сговору с правительством, наследники зачастую и не знали в точности, откуда взялись у них те или иные угодья. Но приходилось возвращать их государству, арендовать или покупать по высокой цене. Зато однопалаты, чье имущество мало-помалу незаконно присваивалось

дворянами, получили обратно свои земли и сверх того — более надежную защиту закона⁹⁵.

Проверки продолжались и во время Семилетней войны. Новое воззвание Сената призывало к упорядочению прав собственности землевладельцев. Эти последние, за некоторыми исключениями, были офицерами. В мирное время их держали на административной службе, особенно в Московской губернии, где проблем возникало больше, чем в других регионах⁹⁶. В конце концов они произвели ревизию 52 500 гектаров и 359 селений этой губернии.

Во времена нараставших ограничений они были единственными представителями государства, получавшими жалованье полностью, в то время как прочим приходилось отказываться от его части (порой даже от половины). Война поглощала громадные средства⁹⁷. Что до Сената, он превратился в верховную юридическую инстанцию — это было способом повысить свои доходы, ведь за каждое исправление, вносимое в договоры купли-продажи, полагалась твердо установленная плата — 100 рублей.

Тем не менее в годы правления Елизаветы этот проект особых плодов не принес. Даже при самой доброй воле многие помещики не имели отчетливого понятия, каким образом земли достались их семейству. И выяснить это зачастую не удавалось. Но, даже ссылаясь на данные последней проверки, проведенной в 1684 году, было трудно заставить дворян отдать земли, присвоенные не по закону. Сто лет спустя Екатерина II, смирившись, уступит им право пользования изначально чужим имуществом; она также оставит без применения закон, который в случае возникновения споров мог дать преимущество и самым бедным землевладельцам.

Судьба крепостных зависела от добросовестности их господ, однако и последние находились в весьма жестких тисках закона. Принуждаемые отдавать государству двадцать пять лет службы, они в случае уклонения могли подвергнуться конфискации имущества⁹⁸. Елизавета, изначально недоверчивая, не церемонилась с дворянским классом: от зна-

ти она требовала безупречного поведения как при дворе, так и в храме. В случае если была допущена предосудительная слабость, виновному полагалось носить при себе нечто вроде золотой шкатулочки, прикрепленной к его одежде цепью, дабы он мгновенно бросался в глаза. Продолжительность наказания зависела от тяжести проступка. Если же провинности повторялись, можно было угодить за это в Сибирь или лишиться имущества. Проявляющий к преступнику сочувствие рисковал навлечь на себя те же кары. Земли в этом случае оставались в распоряжении семьи провинившегося⁹⁹. Но коль скоро дворянские проступки подлежали суду людей своего же круга, тяжкие наказания оставались редкостью. В который раз пожертвование на храм и театрализованное покаяние совершали чудо: Елизавета никогда не могла устоять перед подобными вещами — этой ценой даже самые виновные избегали ее гнева.

Однодворцы, группа в общественном смысле свободная, стали объектом другого обследования. Им, не в пример разnochинцам, позволялось в некоторых случаях иметь крепостных, правда, в ограниченном количестве. Жили они на окраинах империи, особенно часто на юге. Из табели о рангах они были исключены, несмотря на свою многочисленность (430 219 человек). Они подвергались постоянному давлению со стороны некоторых алчных дворян, которые зарылись на их земли. Если однодворцы были грамотны, они в ответ на притеснения прибегали к петициям, а самые незащищенные предпочитали мигрировать, переселяясь из одной губернии в другую¹⁰⁰. Правительство пыталось вселить в них отвагу, внушить, что не стоит уступать давлению местных начальников.

Когда разразилась Семилетняя война, однодворцы получили приказ вернуться в приграничные регионы и поселиться там. Сенат предложил им новое условие: за свои поступки они отныне будут отвечать уже не перед восводами, а перед губернаторами. Когда до императрицы дошло, до какой степени коррумпирована ее администрация, сколь она

вредоносна для «средних классов», представителям Сената было приказано ужесточить законы, защищающие права последних. Последний указ Елизаветы, касавшийся свободных людей, был опубликован в 1761 году, царица снова поручала воеводам заняться их делами: снабдить их столь необходимой для жизни землей и оставить в покое. Зато право перебираться из одной губернии в другую однодворцы при этом теряли: было необходимо, чтобы они оставались возле наиболее уязвимых границ, то есть на Украине, поближе к Польше и Оттоманской Порте¹⁰¹. Здесь проявилось желание Елизаветы уберечь и колонизовать эти приграничные регионы, дабы усилить в них численность православного населения, ведь именно это было ее главной заботой.

ЮРИДИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НОВШЕСТВА

Религиозная одержимость Елизаветы стала причиной реформ, каких не ждали. Затеянная в 1744 году перепись, среди прочего, объяснялась ее желанием знать, как представители различных конфессий расселены на территории империи. Ответственный за экономику Петр Шувалов, всемогущий вершитель внутренних дел страны, сумел убедить императрицу привнести в свои главные заботы нечто вроде «Realpolitik», что и привело ее к решению провести первую системную перепись населения. Цель министра состояла в том, чтобы оценить численность податных душ — в данном случае крепостных, составлявших подавляющее большинство населения, — и на этой основе вычислить, сколько солдат можно призвать в армию. Эти цифры исходя из ситуации в каждой губернии определяла военная коллегия, которая передавала затем свои данные в Сенат. Каждого собственника обязали подать декларацию о том, сколько у него крестьян, годных к воинской службе. Рекруту полагалось пребывать в добром здравии, иметь рост не менее метра

шестидесяти сантиметров и возраст от двадцати до тридцати пяти лет¹⁰². Помещикам полагалось выбирать кандидатов в новобранцы самим, так что зачастую вместо лучших мужиков в армию сплавляли всех неугодных, пьянчуг или умственно отсталых. Среди крепостных, принадлежавших короне, отбор производил их староста. Крестьяне, приписанные к мануфактурам, могли освободиться от призыва, если их управляющий платил отступное. Положение существенно изменилось в 1743 году, когда к делу были подключены сборщики налогов со своими заместителями. Их жалованье отныне исчислялось в зависимости от размеров подушной подати. Таким образом, у них не было теперь никакой причины хитрить, преуменьшая число душ, а последнее, надобно напомнить, определяло квоту рекрутского набора.

Шувалов решил искоренить зло радикально. Но для начала надо было организовать перепись населения. Согласно результатам 1744 года, в России насчитывалось 18 206 000 жителей, из коих 6 666 284 подлежали налогообложению. В 1761 году Елизавета приказала произвести пересчет, который был закончен в 1768 году. Население за это время выросло, достигнув 23 236 000 человек, а платить налоги теперь должны были 7 865 002. Такой бурный демографический рост объяснялся тем, что голод и эпидемии в елизаветинскую пору стали редкостью, к тому же вплоть до 1757 года страна избегала кровопролитных войн¹⁰³. Согласно подсчетам 1744 года, благодаря податям крепостных в царскую казну должны были поступить 4 688 187 рублей¹⁰⁴. Губернские власти собирали эти налоги дважды в год. Недоимки были значительными, они касались в том числе «ремонтных сумм», шедших на покупку лошадей для армии. Несмотря на то что государственная казна терпела такие убытки, Елизавета на Рождество 1752 года и в мае 1754 года приказала аннулировать «задолженности» своих немущих подданных¹⁰⁵. Эти милосердные меры не распространялись на мужчин, подлежавших воинскому набору, — служба в ар-

мии сроком двадцать с лишним лет представляла собой принуждение более тягостное, чем налог.

За время царствования Елизаветы состоялись восемь рекрутских наборов. В 1743 году из каждых 330 крепостных в армию должны были отбирать одного, а в 1747 году дошло до одного рекрута на 121 крестьянина. Это ужесточение объяснялось оборонительным союзом с Габсбургами и ожидаемым вступлением России в войну за австрийское наследство. В 1749 году такса понизилась до одного на 190. Семи-летняя война снова изменила эту пропорцию: в 1756 году забривали одного из 135 крепостных, в 1757 году — из 194, в 1759 году — из 128. После этой даты установилась ежегодная норма: на 116 мужиков один рекрут¹⁰⁶. Остается лишь узнать, удавалось ли правительству достигать этих результатов хотя бы ценой давления на местные власти. В каждой губернии производилась также реквизиция лошадей, пропорциональная числу рекрутированных крестьян. Но поскольку эти животные в сельском хозяйстве необходимы, многих лошадей, вероятно, прятали от воинских нарядов, благо эпизоотия всегда могла послужить для этого удобным предлогом.

Елизавете досталась в наследство денежная система, работавшая в двух несовпадавших режимах. Ее отец, стремясь побороть недостаток наличных средств, стал выпускать медные деньги. Крестьяне, не доверяя этим мелким монеткам, копили серебряные монеты и прятали их, закапывая в землю; их тайное обращение продержалось до конца 1740-х годов. Государыня, неизменно исполненная недоверия к своим подданным, обвиняла евреев, живущих на западных границах России, в изготовлении фальшивых денег с целью извлечь побольше прибыли из их незаконного сбыта¹⁰⁷. Назрела реформа: ввоз денег в страну был запрещен, и царица распорядилась о выпуске новых, более полновесных монет, чтобы количество потраченной меди отвечало их стоимости. При их изготовлении исходили из цены 49 рублей за килограмм меди, что придавало каждой монете реальную цену¹⁰⁸.

Шувалов, вечно пытавшийся осуществить несколько реформ одновременно, вскоре ополчился на внутренние таможи, которые буквально стреножили коммерцию. Мосты, городские ворота, даже сама торговля как таковая — за все приходилось платить. Эти деньги слишком часто исчезали в карманах недобросовестных чиновников, но даже если и попадали в руки местных властей, те не тратили их на содержание в должном виде мостов и дорог. Коррупция была повсеместной. За позволение торговать за пределами своего родного города купцу приходилось платить 5%-ный налог, в котором были заинтересованы преимущественно сами сборщики, без стеснения тратившие эти деньги на собственные нужды. Шувалову потребовалось проявить немалую изобретательность, чтобы убедить Сенат отказаться от подобных поборов.

Аргументов ему было не занимать. За семь лет (1742—1749 годы) внутренние таможи принесли казне всего 903 537 рублей, в то время как от пошлин на импорт в нее поступил 8 911 981 рубль. Итак, Сенат с предлагаемой мерой согласился, в ноябре 1753 года реформатор начал с одобрения императрицы разрабатывать способы применения задуманного¹¹³. Он повысил экспортные и импортные тарифы где на 5, а где и на все 13 процентов сверх того, что практиковалось в предшествующие годы. Разница была призвана покрыть дефицит от упразднения дорожных и мостовых пошлин¹¹⁴. Зато стоимость услуг почты осталась неизменной.

Кирилл Разумовский восстал против этих таможенных реформ и попытался избавиться от них Украинну: там процветала торговля с Польшей, и благодаря дорожным поборам «его» казаки первыми снимали с нее сливки. Елизавета горячо встала на сторону гетмана. Но Петр Шувалов в который раз одержал верх над противником: на юге и юго-западе империи ввели те же налоговые правила, что и в прочих губерниях. Лишь прибалтийские губернии были избавлены от этих новшеств: они продолжали импортировать товары (но только те, что приобретались для потребления внутри

их границ) согласно привычным тарифам. Вопреки утверждениям недоброжелателей министр, ведавший экономикой, отстаивал новые законы не затем, чтобы они в первую очередь послужили к его личной выгоде: он повысил налог на экспорт железа и меди, будучи сам основным их экспортером.

В 1757 году Шувалов замыслил еще один законопроект: установить твердую таксу пошлин на вывоз российских товаров в соответствии с той, по которой взимаются налоги при ввозе в страну продукции заграничного происхождения¹¹⁵. Налоговая политика Шувалова принесла плоды: с 1753 по 1762 год ему удалось сильно повысить доходы казны, которые с 1 111 919 поднялись в среднем до 2 451 689 рублей; а торговый оборот внутри страны вырос за два десятилетия (1741–1761) с 8 135 507 до 16 905 071 рубля.

Сверх того Петр Шувалов возвратил к жизни один забытый проект времен Анны Иоанновны. В первые годы царствования Елизаветы роль банкира, обеспечивающего потребности русского двора, играл британский консул, Бестужев слыл одним из его самых постоянных клиентов. Чтобы положить конец этой опасной для государства коррупции, Шувалов в 1754 году предложил основать два банка. Один предназначался для знати обеих столиц, его первоначальный капитал составлял 750 000 рублей, ссуды он выдавал под 6%. Другой служил для нужд петербургского купечества. Сенат контролировал его деятельность, а ссуды он выдавал от 500 до 50 000 рублей. Если возникала необходимость в дополнительной ссуде, ее размер не мог превышать 50 000 и выдана она могла быть только с позволения императрицы¹¹⁶. Расплата должна была производиться в пределах года. Под нажимом дворянства этот срок мог быть продлен, но с гарантией — например, под залог драгоценностей или богатой мебели. Помещики могли также отдавать в залог свои земли, ценность которых менялась в зависимости от числа прикрепленных к ним крепостных. При всем том банковская система оставалась ненадежной и ускользала от

правительственного контроля; подписи захудалого дворянина хватало, чтобы послужить обеспечением ссуды. Лживые заверения касательно своего состояния редкостью отнюдь не являлись; если такой обман обнаруживался, мошеннику грозила утрата дворянского титула, в связи с чем он рисковал скатиться до положения простого солдата. Императрица в подобных ситуациях проявляла непреклонность и могла санкционировать даже конфискацию имущества¹¹⁷. Все эти административные непорядки побудили Шувалова просить согласия Елизаветы на реформу свода законов.

Министр в присутствии императрицы предложил Сенату не держаться более за систему указов, изданных Петром I, а создать новую, которая была бы ясной и вразумительной. Таким образом, он считал нужным пересмотреть существующий свод законов, увязать его с изменениями, которые нация в своем развитии успела претерпеть с той поры, когда великий царь вводил свои реформы. Поддержка государыни придала этому предложению немалый вес, хотя позволительно предположить, что в глубине души Елизавета была не в таком уж восторге от замысла отменить предначертания ее отца. До сей поры жизнь России регулировалась Соборным уложением — сводом законов, восходивших к 1649 году, которые дополнялись чередой позднейших царских указов, многочисленных сверх меры. Все это было слишком запутано и не обеспечивало потребностей управления государством, стремящимся не отстать от современности.

Петр Великий вслед за своим отцом Алексеем Михайловичем несколько раз пытался дать России свод законов; он создал комиссию из дворян и высокопоставленных военных, поручив вплотную проштудировать законы 1649 года и позднейшие указы. Им было велено управиться за год! В 1718 году государь приказал сенаторам сравнить уложение со шведским кодексом, но его смерть в январе 1725 года положила конец затее. Все монархи, правившие после Петра, лелеяли тот же замысел, но без успеха: их царствования были слишком непродолжительными, да и бесконечные войны

потрясали страну, мешая сосредоточиться на законодательной работе¹¹⁸. Шувалов же, как истый прагматик, взял дело в свои руки и для начала принялся изучать состояние права в стране. Разослал по всем губерниям своих агентов для сбора данных. Всем губернаторам и судам было приказано составить донесения о юридических казусах, что рассматривались за время их деятельности. Однако ответы на такие запросы слишком долго заставляли себя ждать. Тогда сенаторы смирились с необходимостью прибегнуть к более традиционному способу: проанализировать тексты старинных законов и дополнения к ним. Через неделю после публикации указа специальная комиссия уже приступила к работе. Ее члены, действия которых подлежали контролю Сената, отбирались исходя из их юридических познаний, но не только: работоспособность также принималась в расчет. В комиссию, помимо прочих, вошли юстиц-коллегии статский советник Юшков, ее вице-президент действительный советник Эмме, статский советник Безобразов, коллежский асессор Ляпунов, профессор Академии наук Штрубе де Пирмонт, автор «Новых разысканий касательно истоков и основ естественного права», опубликованных в 1740 году в Санкт-Петербурге. Первые собрания комиссии состоялись в августе 1754 года, а 23 сентября ее члены принялись за выработку нового свода законов.

Свод законов имел четыре раздела; в первом формулировались общие правовые положения, во втором оговаривались права подданных в зависимости от их общественного статуса, третий касался собственности на движимое и недвижимое имущество, ее раздела (при наследовании, разводе) и присвоения; четвертый посвящался преступности, порядку применения таких наказаний, как пытка и ссылка. Все главы и параграфы сопровождались пояснениями и примерами¹²⁰. Религиозные вопросы рассматривались отдельно, консультантами по таким материям служили два представителя Синода. Первый и четвертый разделы свода законов, где трактовались вопросы гражданского и уголовного права,

были переданы на рассмотрение Сената 10 апреля 1755 года. Они получили одобрение и 25 июля были представлены Елизавете¹²¹. Она же их не подписала, несмотря на давление Сената и важность вопроса, которые должны были бы на нее повлиять. Существует много гипотез относительно мотивов ее отказа. По мнению Щербатова, чувствительной государыне претила жестокость некоторых наказаний — она не могла подкрепить такое своей подписью. Другие полагали, что она хотела собрать более представительную ассамблею, чтобы принять или отвергнуть этот свод законов, но в который раз пренебрегла важным делом ради какого-нибудь наряда или мимолетной любовной интрижки. Без сомнения, надобно учесть и влияние ее нового фаворита Ивана Шувалова, который, как человек эпохи Просвещения, возможно, находил, что некоторые статьи не отвечают современной законодательной практике. Согласно четвертой версии, Елизавета подверглась нажиму различных придворных группировок и, никого не желая уязвить, решила не придавать законной силы спорному тексту¹²².

А комиссия между тем продолжала работать над вторым и третьим разделами; ее заседания были прерваны с началом Семилетней войны, но возобновились в 1758 году — законодатели собирались еще пять раз. Несмотря на свои доходящие до одержимости старания раздобыть средства на военные расходы, Петр Шувалов упорствовал в стремлении осуществить свой проект. Об этом свидетельствует то, что он ввел в состав комиссии еще двух членов высокого ранга: Романа Воронцова (брата канцлера) и Шаховского. Вскоре комиссия разделилась на сторонников и противников Шувалова, разногласия особенно обострились, когда зашла речь о привилегиях знати. Министр старался сохранить систему, установленную Петром, а клан его антагонистов выступал за интересы родовитого дворянства против аристократии заслуг. Шувалов хотел предоставить дополнительные права тем купцам, что управляли мануфактурами, и разрешить им обзаводиться большим числом крепостных, а «кон-

серваторы» жаждали вернуть дворянству монополию на владение душами.

Несмотря на все разногласия, к началу 1761 года большинство параграфов кодекса было готово. Его третий раздел будет закончен уже при Петре III и снова увеличит власть дворян, освобожденных от обязательной воинской службы, над своими крепостными. 27 марта личный секретарь императрицы Олсуфьев сообщил комиссии неприятную новость: ее величеству угодно, чтобы свод законов был целиком и полностью переписан и чтобы смертная казнь там более не фигурировала. Таким образом, подтвердилась гипотеза Щербатова: царица, так сказать, находила, что эти законы писаны кровью¹²³.

Тексты, составленные с 1754 по 1760 год, были основаны на указах Петра Великого и опирались на правоприменительные реалии своего времени. Но тем не менее в них чувствовалось колебание между консерватизмом и новыми веяниями¹²⁴. Проблемы меньшинств и религиозные вопросы оставались непроясненными: евреям, как и раньше, не позволялось селиться в пределах империи, в некоторых статьях ущемлялись права армян и мусульман, староверы по-прежнему изгонялись за пределы общества, иезуитам запрещалось путешествовать по России. Только украинцам предоставлялись кое-какие преимущества — тут сказывалось влияние Разумовского. Зато некоторые элементы свода законов поражали своей новизной. Предусматривались особые условия для сирот и умалишенных: тем из них, кто происходил из среды военных, дворян или купцов, полагались особые «опекуны», которые должны были заниматься их делами в рамках весьма строгих правил. Цель состояла в том, чтобы гарантировать этим лицам сохранение их достоинства до того момента, когда они, достигнув зрелости, смогут им воспользоваться, и уберечь земли и имущество инвалидов от разбазаривания¹²⁵. Из тех же соображений — чтобы семьи не лишались своего добра — в 1761 году подверглись запрету азартные игры на деньги.

Ввод в действие нового свода законов зависел от императрицы — тут она была последней инстанцией. Не способная определенно судить о качестве законов, Елизавета не настаивала на внесении каких-либо изменений, ничего не советовала. Верная своему обыкновению, она избрала уклончивую тактику, просто отказывалась подписать. Ее согласие или хотя бы вразумительная критика облегчили бы редактуру текстов свода законов. Опубликованный, он стал бы обязательен для исполнения администрацией, пока же чиновники, по преимуществу коррумпированные, всегда ускользали от расплаты за свои плутни, находя лазейки среди множества указов, издаваемых Синодом, Сенатом, императрицей. Она же, верная своим обычаям, нашла новую увертку, лишь бы оттянуть решение: дескать, желательнее сперва узнать, как общественное мнение отнесется к новым законам. Чтобы некоторым образом это проверить, ей вздумалось прибегнуть к консультативной практике, восходящей к 1754 году. И вот в сентябре 1761 года Сенат решил осведомиться, какое суждение о своде законов выскажут представители регионов.

По два делегата из числа дворянства каждой губернии (за исключением Киевской, Астраханской, Выборгской, Лифляндской, Эстляндской и Сибирской) были приглашены в Санкт-Петербург, чтобы оценить новые законы. Купцы также не были забыты: они имели право выслать по одному делегату от губернии, дабы он мог выразить свои чувства по поводу параграфов, непосредственно касающихся торговых дел. В декабре порядок снова изменился: Сенат, стремясь получше сбалансировать мнения, помимо прочего, привлек к делу негоциантов из Иркутска, Тобольска, Киева и Оренбурга, а также дворян из Лифляндии и Эстляндии¹²⁶. Синод оставил за собой право самостоятельно выдвинуть представителей от дворянства. Ассамблея должна была иметь место 1 января 1762 года, но была отложена по причине смерти Елизаветы. Да и приглашенные делегаты не поспешили прибыть в Петербург — к назначенной дате

прибыли лишь пятеро из них. Коммерсанты проявили больше усердия: столица сулила им заманчивые барыши, в то время как у провинциальных дворян зачастую не было средств, чтобы там прокормиться. Неявка делегатов парализовала работу законодателей. Воскресить заброшенный проект предстоит Екатерине II, которая в 1767 году в свой черед созовет Уложенную комиссию.

Замысел Петра Шувалова провалился из-за административных препон и плохой связи между высшими сановниками государства и представителями власти на местах. А Елизавета, при своей инертности, ничему не помогла. Дядя ее последнего фаворита внушал современникам ненависть; а между тем он, наделенный редким интеллектом, предпринял реформы, значение которых и по сей день не в полной мере осознано. Модернизация налоговой, таможенной и денежной системы, приватизация рудников, межевание территории гигантской империи — все это его заслуги; он произвел перепись населения и приступил к созданию нового свода законов. По мнению одного из главных его противников, он все это затеял исключительно ради личного обогащения, а государственную казну наполнял, чтобы было чем оплачивать невероятные потребности государыни¹²⁷. По крайней мере одно не вызывает сомнения: свои труды, направленные на улучшение российского государственного устройства, Шувалов принимал всерьез: свидетели утверждали, что все столы и секретеры его роскошного особняка были завалены планами и схемами, предназначенными для этих целей¹²⁸. Он поистине был серым кардиналом двора, но ему приходилось считаться с непредсказуемой реакцией государыни, чья открытость к новизне сочеталась с тупым упорством в отстаивании незыблемости установлений ее отца. Сверх меры чувствительная ко всему, что могло уязвить его прославленную персону, она посвящала свое время и энергию борьбе за нерушимое почтение к государству и монаршей особе, слишком часто забывая о реальных нуждах своих подданных.

НЕПОКОЛЕБИМАЯ АСТРЕЯ ASTREE IMMuable

С момента своего восхождения на трон Елизавета старалась превзойти французский двор роскошью и блеском из-за личного тщеславия и желания поквитаться за отца, чье поведение в Версале вызвало столько насмешливых нареканий. Ее дворцы были призваны являть собой мир звезд, порукой тому и балеты, оды, пышный декор, иллюминация, сопровождаемые множеством аллегорических мотивов¹²⁹. Итак, ее собственная персона, угадываемая в изысках барочной архитектуры, должна была оставаться недостижимым, безукоризненным совершенством. Весьма значительные меры пускались в ход исключительно с целью поддерживать этот образ Северной звезды. Благо за годы предшествующих царствований уже был налажен солидный механизм надзора, способный не упускать из виду огромную территорию, где обитали 20 миллионов жителей. Задача Тайной канцелярии заключалась в преследовании тех, кто позволял себе непочтительность в поступках и речах. За годы правления дочери Петра Великого это учреждение менялось, ослабевало, в 1762 году ему было суждено совсем исчезнуть.

Первым из важнейших решений Елизаветы было фактическое упразднение смертной казни, принесшее ей славу правительницы доброй и милосердной. Уверенная в своей популярности, она с первых же дней воцарения выражала намерение закрыть Тайную канцелярию, призванную выслеживать преступников, повинных в оскорблении величества. «Слово и дело государево» поощряло каждого в доношительстве императрице или ее представителю о малейшем проступке, который может быть истолкован как оскорбление монаршей особы. Эта коллективная бдительность породила правосудие особого рода, ведь мужик, которого его барин накануне, чего доброго, велел высечь, мог отомстить, обвинив хозяина в дерзких речах, проходивших по ведомству «Слова и дела». Представитель государства вмешивал-

ся, проведав о самом что ни на есть мимолетном проступке, и виновного брали под стражу. Чтобы узнать правду, его подвергали строгому допросу и без колебаний прибегали к пытке¹³⁰. По мнению одних, дух доносительства, поощряемого подобной юридической практикой, мешал становлению общества на более современной основе, другие, напротив, считали это идеальным средством контроля, уравнивающим всех пред лицом монарха, наделенного божественной властью. Одно несомненно: «Слово и дело» вполне логично вписывалось в административное устройство, являлось органичной частью бюрократической системы послепетровской эпохи, хотя в елизаветинские времена и проявилась тенденция его размывания. В обществе, где помещики могли полновластно распоряжаться своими крепостными, «Слово и дело» было хоть и относительным, но фактором поддержания стабильности, ибо таким образом раб получал возможность восстать против своего господина. С другой стороны, если обвинение не получало обоснования, простолюдин подвергался тяжкому наказанию. Тогда ему оставался лишь один выход: симулировать опьянение или кратковременный припадок умопомешательства¹³¹.

Сенаторы с государственным канцлером во главе сумели отговорить императрицу от упразднения Тайной канцелярии, прибегнув для этого к бесподобному аргументу: лишь такое полицейское учреждение может предотвратить государственный переворот в пользу Ивана, заговор при дворе или бунт черни. Ситуация выглядела тем серьезнее, что в Соловецком монастыре откуда ни возьмись всплыл «лже-Алексей», якобы сын Петра Великого¹³². Оберегая нежные императорские уши, канцлер и сенаторы воздерживались от того, чтобы информировать Елизавету о разного рода преступлениях против государства. «Слово и дело» для ее министров и придворных, крупных землевладельцев, никогда не посещавших свои владения, оставалось великолепным инструментом контроля. Их интересов не могла перевесить

неуместная щепетильность не в меру чувствительной коронованной дамы.

Архивы Тайной канцелярии дают представление о классификации деяний, способных запятнать образ императрицы и навлечь на виновного тяжкие кары. Оскорбление величества, в теории предполагающее смертную казнь, имело пять основных степеней. Церковь и православные обряды, неотделимые от священной императорской персоны, оставались неприкосновенными, любая хула на них, кощунство либо переход в другую конфессию подлежали санкциям. Высказывания, порочащие армию, государство, его политику и, следовательно, опять-таки самое императрицу, также требовали вмешательства «Слова и дела». Однако заслуживали наказания и другие святотатства — злословие о частной жизни царицы, ее фаворитов и семьи являлось тягчайшим преступлением, в этих случаях и сама Елизавета бывала беспощадна. Виновнику угрожали костер, колесование, топор палача, кнут, клеймение каленым железом и ссылка в Сибирь.

Применение пытки ограничивалось возрастом (от пятнадцати лет до семидесяти), пытали преимущественно затем, чтобы вырвать признание¹³³. По-видимому, подобные меры шли вразрез с волей Елизаветы полностью исключить смертную казнь — за два десятилетия ее царствования все тяжкие кары сводились к пожизненному острогу, но ценой каких мучений!

Андрей Ушаков начал управлять Тайной канцелярией еще при Петре Великом. Этот царь дал утонченное определение преступлению, наказуемому с начала XVII столетия, — оскорблению величества. Отныне хранить молчание, услышав предательскую или бунтарскую речь, считалось столь же преступным, как участвовать в заговоре или восстании. Молния державной кары разила не только самого злодея, но и самых пассивных свидетелей. В 1710 году Петр ограничил компетенцию «Слова и дела» случаями, когда ущерб, трактуемый в самом широком смысле, наносился здоровью

и чести монарха. Пять лет спустя царь пояснил, какие преступления подлежат личному суду государя: дурные намерения, направленные против его величества, попытки бунта или сопротивления, обогащение за счет государственной казны. В 1723 году Петр прибавил сюда еще недоброжелательные или непочтительные действия относительно ее императорского величества или семьи царицы. Эта статья была призвана оградить его вторую жену Екатерину и детей, рожденных от их союза.

Позже Анна Иоанновна изменила формулировки этих статей применительно к собственной персоне; она признала преступными все деяния, оговоренные Петром Великим, но с добавлением речей, оскорбительных либо вредоносных для государства и императрицы — иначе говоря, порочащих ее как женщину¹³⁴. Эти определения оставались в силе, пока Ушаков возглавлял Тайную канцелярию. В 1747 году его сменил на этом посту Александр Шувалов; тогда кары смягчились. Более не наказывали за незаконное хранение водки (в скромных количествах), каковое ранее приравнивалось к мошенничеству¹³⁵. К подозреваемым в оскорблении величества пытки применяли все реже, хотя оно все-таки считалось серьезным покушением на императорское достоинство. В 1753 году и наказания за политические преступления стали несколько мягче. Мужья и жены виновных (последним по-прежнему вырывали ноздри, клеймили каленым железом, били кнутом) оставляли за собой все права на имущество семьи. На этой реформе настояла государыня, движимая заботой о прерогативах слабого пола. Она также запретила для женщин все виды увечий, оставляющих видимые следы: ноздрей им больше не вырывали. Но язык — да¹³⁶.

Долгое время Елизавета придерживалась принципов, навязанных ей министрами. Но в 1757 году она наконец сформулировала свой собственный закон: ее подданных, а также иностранцев, живущих в России, ожидали санкции за разглашение клеветнических наветов и поношение госу-

дарства, его политики, армии или, того хуже, злословие в адрес императрицы и ее семейства. Любые частные беседы на подобные темы запрещались. Зато «монаршая милость» осеняла всех, кто безупречно исполнял свои обязанности, независимо от их сословия и места в табели о рангах. Царица также отменила наказания за малые провинности вроде неправильного начертания ее имени или пропуска в перечислении ее титулов¹³⁷.

При Елизавете Тайная канцелярия лишилась права без соизволения императрицы передавать какую-либо, сколь угодно важную информацию Сенату и правительству¹³⁸. Государыня сохраняла за собой контроль над государственными тайнами. Зато нажиму со стороны Святейшего Синода, высшей церковной инстанции, она уступила: с полным доверием предоставила ему разрешать любые проблемы, связанные с дисциплинарными нарушениями духовенства. Немало дел касательно священников, повинных в блуде, вольномыслии или кощунствах, направленных против Господа или священной персоны императрицы, из Тайной канцелярии направлялись в Синод, который определял подобающую меру воздействия¹³⁹. На исходе 1750-х годов наказания еще более смягчились: Елизавета запретила вырывать простолюдинам ноздри и забивать их кнутом насмерть. Приговоры теперь сводились к основательному битью палками и каторжным работам, что не исключало медленной мучительной смерти в дальней сибирской ссылке. Но по крайней мере руки государыни оставались чистыми!

Три социальных группы подвергались особо бдительному надзору: крестьяне, способные взбунтоваться, духовные лица, подозреваемые в неодобрительном отношении к петровским реформам, и армия — она хоть и главный оплот государства, но в том, что касается рекрутских наборов, этот оплот был несколько шатким. Как ни парадоксально, после Тайной канцелярии второй надзорной инстанцией страны служила церковь. Священник, разоблачивший политичес-

кое преступление, мог рассчитывать на награду за то, что защитил интересы государства, даже если при этом он разгласил тайну исповеди. Так, в 1755 году полковой поп донес на полковника, который якобы утверждал, что маленький царевич Павел, наследник престола, болен рахитом. Канцелярия приказала выяснить, насколько честен этот бывший священник выборгского прихода. Результаты расследования обескураживали: пьяница, пренебрегает паствой, обязанности выполняет спустя рукава; якшается с лютеранским пастором, за безнравственность отстраненным от литургической службы. Этот портрет подтверждало и полковое начальство: он часто забывает приводить к присяге офицеров и солдат, а когда делает это, плохо держит крест и пальцы складывает неправильно. Хуже того: он не исповедует умирающих и не отпевает покойников. Такие поступки не привели к его увольнению, ибо его донос после всех проверок оказался правдой. Однако по своему желанию он был переведен на службу в другую епархию, неподалеку от Москвы¹⁴⁰. А вот еще случай: некий дьякон был осужден за пьянство и распущенность провести остаток дней в монастыре. Несколько лет спустя он донес на одного монаха, который болтал, что у императрицы есть незаконнорожденные дети. Подвергнутый жесткому допросу, обвиняемый в конце концов сознался. Доносчик тотчас был освобожден и получил право выбрать для себя новое место службы — любое за исключением того, откуда он попал сюда. Таким образом, доносы и клевета, судя по всему, были особенно выгодны в церковной среде¹⁴¹.

Есть и еще примеры, на наш взгляд, красноречиво говорящие об одержимости Елизаветы. Злословие о государыне было наказуемо, произнесение святотатственных слов перед ее портретом — даже если речь шла всего лишь о ее изображении на монете — влекло за собой тяжкие кары: виновного сначала били палками, потом высылали на дальний север¹⁴². Так, 12 июля 1750 года в Ярославской губернии некто Волков утверждал: дескать, государыня уж не та, что прежде; другой болтун, по имени Павел Разаткин, будучи

заметно навеселе, добавил, что она стареет, ест слишком много. Обоих приятелей бросили в тюрьму, потом сослали на Урал, в Оренбург¹⁴³. Какой-то монах во хмелю жаловался, что страной правят простоватые бабы; после расследования виновного заточили в его монастырь. Другого служителя церкви, который притворялся, будто не помнит его дерзких слов, все же сослали в Оренбург¹⁴⁴. Также не полагалось судачить о том, что брак их высочеств Петра и Екатерины бесплоден. Монах Иона заявлял, что мог бы излечить эту беду, если бы решился пожертвовать собой... Несколько месяцев спустя он оказался в Сибири, избалованный одним из своей братии.

Вспоминать о многочисленных любовных связях Елизаветы, о ее морганатическом браке с Алексеем Разумовским — за это расплачивались изрядным числом палочных ударов и пожизненными каторжными работами в сибирских серебряных копиях¹⁴⁵. Для женщины утверждать, что имела интрижку с кем-либо из придворных высокого ранга, особенно с Алексеем Разумовским или Иваном Шуваловым, означало в два счета угодить в монастырь, причем с самым строгим уставом¹⁴⁶. Порою слухи вокруг брака Елизаветы с Алексеем, а затем и рождения троих детей обрастали такими подробностями, какие не могли исходить просто от народной молвы. Некто Григорий Адаменок утверждал, что одного из этих детей звали Яковом, что воспитание мальчика поручили доверенным лицам. Первые любовники империи, с начала 1730-х годов живя на супружеский манер, якобы навлекли на себя упреки самого архимандрита Кирилла Флоренского, что вряд ли соответствовало истине, коль скоро тот сам обвенчал их в Троице-Сергиевой лавре. Другой доброхот, Куракин, говорил, будто точно знает, что свадьба состоялась между приходом царицы к власти и ее коронацией, но уже тогда у этой пары было много детей. Слухи эти, несомненно, рождались в среде духовенства; некто Герасим якобы узнал такие подробности из уст самого Флоренского, который скончался в 1744 году¹⁴⁷. Тайная канцелярия со-

вала свой нос даже в исповедальню. Если поп узнавал о чьих-либо дерзких речах или другом, тягчайшем преступлении — разговорах о законных правах маленького Ивана Антоновича, он был обязан доложить в ближайшую юридическую инстанцию. В этом случае виновному следовало ожидать худшего.

Тяжкие последствия ожидали того, кто вспоминал о царицыном иностранном происхождении со стороны матери, ливонки по рождению, или по отцу, о котором болтали, будто он был сыном чужестранки из московского предместья; обвинять ее прославленных родителей, что они были рождены вне законного брака, или называть Петра Великого антихристом — все это заслуживало кары. Множество проблем возникало и в связи с личностью великого князя Петра. Слывущий иностранцем, неверным и — наподобие своего деда — новым воплощением лукавого, он вместе с тем воспринимался как соперник императрицы. Все-таки мужчина, он больше подходил для роли военачальника, чем государыня в юбке, даже если она, как упоминалось выше, и любила покрасоваться в гвардейском мундире. Саму Елизавету, как женщину, никак нельзя было уподобить антихристу, но она была его дочерью, а ее наследник казался отвратительным — это ставило под сомнение законность их власти. Тем не менее речь не шла о десакрализации монаршей власти из-за того, что на троне оказалась женщина; просто казалось, что она не способна решать все государственные задачи, в особенности — сыграть роль военачальника. В армии опорой боевого духа войск считалось православие и оно же являлось сплывающим началом; религиозность проявлялась также в абсолютном подчинении государыне, главной миссией коей является верховное командование своим воинством. Во времена правления императриц в оскорблении величества усиливались эротические коннотации, это происходило не потому, что широкой публике становилась известна их разгульная жизнь, а потому, что их пол представлялся народу несовместимым с таким саном. Теат-

ральность жизни государыни, надзор Тайной канцелярии, пекущейся о незапятнанности ее образа, явственно доказывают, что общество на свой манер определяет легитимность монарха и что последний до некоторой степени зависит от своих подданных.

Елизавета, ее фавориты и подчиненная ей одной политическая полиция в стенах дворцов по-своему и сами предпринимали усилия, чтобы уберечь ее божественный образ. Императрица строго разграничивала свой частный мир и публичную сферу. Она проявляла непреклонный педантизм в вопросах соблюдения протокола, ее заботами любое отступление от установленного церемониала оборачивалось для его нарушителей карьерным и денежным ущербом¹⁴⁹. Для дипломатов, даром что поднаторевших в этих вопросах, жесткие правила русского придворного обихода, несовместимые с их собственными традициями, становились настоящим камнем преткновения. Пренебречь тем или иным из этих требований значило поколебать и без того шаткую систему соглашений, что могло привести (так и вышло в 1748 году) к разрыву дипломатических отношений. Как уже упоминалось, для французов серьезной проблемой ранга обернулось целование руки императрицы во время официальных придворных церемоний. Однако дипломаты хвалились, что на вечерах, которые устраивали ее любимцы — Воронцов, Шувалов, Разумовский, им случалось болтать с Елизаветой запросто, поскольку там она находилась уже некоторым образом в частной сфере. Ужины во дворцах этих троих сановников особенно ценились дипломатическим корпусом за то, что государыня любила там появляться внезапно. Освобожденная от тяжких оков этикета, она тогда откровенно проявляла свои симпатии, выбирая себе место за столом (где все, кстати сказать, рассаживались тоже не по ранжиру, а как придется) или подсев за игорный стол, чтобы продолжить игру с теми, чью компанию предпочитала¹⁵⁰. В интимной обстановке гостиных, где частное соседствовало, а то и смешивалось с публичным, на фоне этой умышлен-

ной двойственности роль царственной особы представляла в несколько ином ракурсе: тут появлялись зачатки представительной формы правления.

Русский придворный церемониал, обязательный для иностранных представителей, был личным изобретением Елизаветы. Дипломаты и придворные должны были являться одетыми по последней моде, причем ни в коем случае не показываться дважды в одном и том же наряде. Кортёж имперских экипажей подкатывал за ними к их резиденции, чтобы подвезти почетных гостей к парадному подъезду Зимнего дворца. Затем они, сопровождаемые церемониймейстером и камергером, проходили через бесчисленные покои, чтобы добраться наконец до тронной залы¹⁵¹. Их испытания на этом не кончались. После столь продолжительного путешествия им следовало, обнажив голову, предстать перед той, что встречала их, словно богиня, с улыбкой на устах, но храня абсолютно непроницаемую мину. Ход последующей беседы, порой прерываемой, не успев начаться, зависел от настроения государыни, рядом с которой «одесную и ошую» неизменно располагались государственный канцлер Бестужев и вице-канцлер Воронцов. Предъявив свою верительную грамоту, посол пятясь и с поклонами покидал Большую тронную залу. Поклониться надлежало трижды, затем представитель иноземной державы пускался в обратный путь до той промежуточной гостиной, откуда ему предстояло отправиться на аудиенцию к великому князю и великой княгине¹⁵².

Тут возникало еще одно затруднение, и требовалась немалая ловкость, чтобы его преодолеть. Надолго задержаться в обществе этих персон, которых к концу 1750-х годов Елизавета уже подумывала лишить права наследования (престола), для дипломата значило неминуемо испортить свое положение при дворе. Однако и проигнорировать их было опасно, не та ситуация: здоровье Елизаветы сильно подорвано, она может умереть скоропостижно. Петр, запугавший всех своим гневливым нравом, только и ждал момента, чтобы взять реванш, перевернуть прежние договоры с ног на голо-

ву в пользу своего кумира Фридриха II. Так что поддерживать добрые отношения с их императорскими высочествами было куда дальновиднее, если, конечно, не доводить дело до эксцессов. Затем посла ожидало еще одно, самое ужасное испытание: его приглашали заглянуть в покои приближенных дам, поболтать с ними — обуза, от которой никак не отбояриться, — прежде чем состоится знакомство с фаворитами и придворными государыни. Никто не избежал едких придирок злоязычных наперсниц и подруг Елизаветы¹⁵³. Они пересказывали государыне каждое слово, оброненное послом, определяли ему цену исходя из таких данных, как богатство его наряда, изящество осанки, галантность обхождения. Если эмиссару удавалось очаровать этих дам, это был самый удобный момент предложить вниманию императрицы доставленные им личные послания.

Протокол еще более усложнялся, если прибывал посол не христианской державы. В 1758 году оттоманский полномочный посол несколько месяцев отказывался явиться на аудиенцию для представления царице. Согласно настояниям Елизаветы, ему полагалось предстать перед ней в сопровождении двух сановников, поддерживающих его под руки. Таким образом воплощалась мысль о его низком, ущемленном состоянии, ибо неверный лишен благодати Божией и подобен калеке. Нечего и говорить, что на целование руки он права не имел — для него исключался непосредственный контакт со священной персоной императрицы.

Разумеется, посланец Константинополя отказался подвергнуться всем этим унижениям. Его жалобы в конце концов сильно испортили отношения между Портой и Россией. Лишь после нескончаемых переговоров, в которых посредником служил шевалье д'Эон, Осман-эффенди согласился опереться справа на государственного советника, а слева на офицера, отвесить три поклона перед троном, а из залы выйти пятясь и повторив те же почтительные жесты¹⁵⁴.

Когда же дело происходило в каком-либо из дворцов в окрестностях Санкт-Петербурга, аудиенции оборачивались

сущим кошмаром. Примечательное описание того, как протекали дни в Петергофе, находим в письме французского посла, маркиза де Лопиталья. Письмо не было зашифровано, оно предназначалось для прочтения русскими цензорами. Дорога от столицы до дворца, по свидетельству маркиза, изматывала путешественника вконец: в сухую погоду пыль покрывала людей и лошадей с ног до головы, въедалась в одежду, осыпала багаж, когда же шел дождь, карета, пассажиры, кони были заляпаны грязью. Когда гости, все в пыли или в грязи, прибывали на место, их приглашали в комнату, где можно переодеться и освежиться. Вечер начинался в шесть с прогулки по парку, где маркиза привели в восторг красота фонтанов и открывающийся вид на Финский залив. Когда пришло время явиться ко двору, француз со своим коллегой, австрийским послом Эстергази, направился в покои, где отметил безмерную роскошь позолоты и зеркал. Миновав некоторое количество покоев, два дипломата присоединились к группе придворных, томившихся в комнате, расположенной напротив апартаментов царицы и по соседству с той, где развлекались ее камерфрау. В ожидании появления Елизаветы Эстергази и маркиз де Лопиталь сели сыграть партию в кадрили с великим князем Петром и великой княгиней Екатериной, причем несчастный маркиз проиграл много и думал с беспокойством, что такой экстраординарный убыток посольству, пожалуй, не по карману. Императрица появилась в девять часов с блеском и пышностью, каковые сопровождают ее повсюду. Австриец поцеловал ей руку, и француз волей-неволей последовал его примеру, хотя Версаль этого не одобряет. Вечер был ознаменован краткой беседой по-французски, поводом для коей послужил Берни, новый секретарь по иностранным делам. Елизавета удалилась в свои салоны поболтать с фаворитками. Екатерина и Петр, по-прежнему в компании обоих послов, возобновили игру, сопровождаемую концертом вокальной музыки; государыня, весьма равнодушная к картам, время от времени подходила к их столу, чтобы обменяться парой слов, и

комментировала ходы игроков¹⁵⁵. Около полуночи она удалилась, но ее гостей пригласили на ужин, который продлился еще добрый час. Когда их императорские высочества возвратились в свои покои, маркиз де Лопиталь пустился в обратный путь и лишь к шести утра, измученный и грязный, достиг своей петербургской резиденции. Письмо заканчивалось шифрованным пассажем, где сообщалось, что австрийцу Эстергази государыня предоставила загородный дом, чтобы избавить его от мучений, причиняемых столь долгой дорогой. Маркиз выражал надежду, что она и ему окажет такую любезность, в противном случае можно будет, сославшись на этикет, посетовать на подобное неравенство¹⁵⁶. Но с дипломатами, невзирая ни на договоры, ни на то, что по рангу они были равны, отнюдь не обходились со всеми на один манер. Это было еще одной особенностью елизаветинского двора, ее последствия отразились на развитии конфликта, который вскоре приведет к Семилетней войне, опустошившей Центральную Европу. А первые предвестия давали о себе знать еще с начала 1750-х годов, как в голштейнских делах, так и в переменах, происходивших в приграничных регионах Украины.